

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ИГРЫ КАПРИЗНОЙ ДАМЫ

Сергей Трахимёнок

Любимый детектив

Сергей Трахимёнок

Игры капризной дамы

«ВЕЧЕ»

2017

Трахимёнок С. А.

Игры капризной дамы / С. А. Трахимёнок — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7602-0

Произведения признанного мастера остросюжетной прозы Сергея Александровича Трахимёнка отличают непредсказуемость сюжета, высокий накал страстей и напряжённость противостояния преступников и стражей закона. Вот и главный герой романа капитан КГБ Фёдор Внучек честно служит «капризной даме» по имени безопасность. Но наступают лихие 90-е, меняются политические ориентиры, принимают новые условия игры коллеги капитана, и только служака Внучек остается самим собой, за что расплачивается карьерой. Захват заложников, рэкет, коррупция — только часть того криминального «айсберга», с которым ему приходится сталкиваться. Однако он находит в себе силы не только воскреснуть из небытия, но и раз за разом достойно выходить из самых сложных ситуаций, в которые бросает его нелёгкая профессия оперуполномоченного.

ISBN 978-5-4484-7602-0

© Трахимёнок С. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Повествование первое. Заложники	6
Повествование второе. Двенадцатый апостол	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Трахимёнок

Игры капризной дамы

Знак информационной продукции 16+

© Трахимёнок С. А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

*Город Каминск, что «находится в самом центре России»,
является вымыслом автора, как и некоторые события нижеследующих
повествований.*

Повествование первое. Заложники

«Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика...»

(Из записной книжки Внучека)

– Мне пора, пора, – произнес он, осторожно отстранившись от ее рук.

– Да-да, – сказала она и, хотя в голосе ее почти не чувствовалось обиды, он угадал ее мысли и произнес:

– Не надо, мы же договорились...

– Договорились, – ответила она упавшим голосом, – а знаешь?

– Что?

На этот раз она уловила недовольство в его вопросе и выдавила из себя:

– Я тебе завтра скажу, – и боясь, что он опять воспримет это как каприз, добавила: – Завтра... иди...

Он открыл наружную дверь и некоторое время прислушивался к звукам на улице. Было тихо, насколько может быть тихо в одиннадцать вечера в маленьком поселке на полторы тысячи жителей, в котором единственное вечернее заведение – клуб – закрывается в половине десятого, после последнего киносеанса.

До калитки он добрался быстро, а по улице пошел не торопясь, придерживаясь теневой стороны. Улицы в поселке не освещались, но на некоторых из них было светлее, чем в клубе: прожекторы колонии, освещая ее периметр, несли свет к поселку. Полосу такого света ему предстояло пересечь, это был последний участок, после которого ему можно спокойно встретиться с кем угодно.

По закону подлости именно по этой освещенной улице шла компания молодежи. Он остановился, выжидая, когда они пройдут. Три десятиклассницы местной школы и парень – их сверстник – мчались на свет прожектора, как мотыльки на огонь свечи. Девчонки были в одинаковых приталенных пальто, когда-то в сельмаг завезли полный грузовик таких. На головах вместо платков особым образом повязанные шарфы – последний крик молодежной моды в поселке. На парне ладно сидел армейский бушлат – свидетельство его дружеских отношений с солдатами роты охраны колонии. На спине его, привязанная бельевой веревкой, болталась гитара.

Компания была опасна, но еще опасней долго задерживаться вблизи ее дома, и он двинулся дальше через освещенную прожектором улицу, как только молодежь прошла мимо.

В сенцах большого деревянного дома он постоял немного, стирая с лица выражение, которое могло его выдать, и заодно пытаясь окончательно избавиться от едва уловимого запаха духов «Быть может».

– Ну, наконец-то, – сказала жена, когда он появился на пороге.

– Случилось что? – спросил тесть, оторвавшись от газеты.

– Все нормально, – ответил он, – надо было со второй сменой разобраться.

– А Петька-то уже давно дома, – не преминула вставить свое слово теща.

– Петька – контролер, – перебил ее тесть, – а наш – начальник.

– Есть будешь? – спросила жена, вклинившись в разговор.

– Конечно, – ответил за него тесть, – не с гулянки пришел мужик, с работы.

– Петька умеет жить, – буркнула теща и ушла в соседнюю комнату, отделенную от первой ситцевой занавеской.

«Петька умеет, а я, значит, – нет», – подумал он, садясь за стол. Поужинав, он встал и, ни к кому не обращаясь, сказал:

– Пойду покурю...

Надев шапку, накинув на плечи шинель, он вышел на крыльцо, сел на перила, закурил сигарету и стал смотреть на косой луч прожектора, светивший от одной из караульных вышек колонии в сторону поселка.

Два прожектора, свет от которых направлялся не в зону, как обычно, а на поселок, были установлены недавно, после очередного побега.

На местной подстанции по вечерам проводились какие-то работы и почти в одно и то же время на несколько минут отключали освещение.

Двух отключений хватило, чтобы понять – на следующий день будет третье. И на третий день один рискованный осужденный за две минуты абсолютной темноты при помощи самодельной кошки и веревки преодолел и забор, и обесточенное ограждение. Когда после отключения свет вновь зажегся, то в зоне не наблюдалось ничего необычного, так как все необычное происходило за забором, в темноте.

Беглеца в конце концов задержали, а начальник колонии, именуемый, в соответствии с традициями, и осужденными, и администрацией, и жителями поселка Хозяином, приказал поставить дополнительные прожекторы, чтобы часовые на вышках могли видеть ночью не только зону, но и поселок.

Новшество сие было воспринято караульными с радостью: теперь они смотрели не в квадрат зоны, а в сторону поселка.

Сигарета обожгла пальцы, и он выронил окурочек. Достав из пачки другую, он удобнее устроился на перилах и чиркнул спичкой.

Два года назад он женился. Год мотался по общагам и квартирам Н-ска, пока приехавший к ним тесть не сказал:

– Хватит ерундой заниматься, приезжайте к нам, инженеры везде нужны, да и на еду тратиться не надо. Встанете на ноги, а уж потом и в город можно вернуться...

После того разговора он уволился с завода и приехал с женой к тестю в поселок с курьезным названием Тараканино. Тьмутараканино называл он его в первое время.

Тараканино было необычным поселком. В нем размещалась колония строгого режима. Колония была врагом директора совхоза, центральной усадьбой которого и было Тараканино. Колония перетягивала к себе работников совхоза, за работу там платили больше, да еще сотрудникам ее шли надбавки, которые в шутку звались доплатами «за боюсь».

В колонии было большое производство тары и мебели, но специалистов не хватало. Уже через неделю после приезда не без помощи тестя его уговорили устроиться работать туда. А так как парень он был работающий и не пьяница, то уже через месяц сам Хозяин стал уговаривать его аттестоваться, «чтобы получать больше и на одежду не тратиться». И тогда же, и опять же не без помощи тестя, он дал убедить себя, что это лучшее, что можно сделать в его положении. Через три месяца его аттестовали, выдали форму, в которой он выглядел не лучшим образом, так как срочную не служил и не знал, как подобрать китель, бриджи, сапоги. Шинель, вследствие тех же причин, топорщилась на спине и была коротка, что делало его похожим на новобранца, с которого старослужащие сняли вещи его размера, а взамен всучили свои.

Он быстро втянулся в работу, сошелся с коллегами, перестал обращать внимание на просьбы и прощупывания осужденных, но удовлетворения от труда не испытывал. До сих пор не оставляло его чувство временности своего проживания в Тараканино.

– Витя, – раздался голос жены, приглушенный двумя рамами, – простудишься.

– Иду, – ответил он и бросил окурочек в снег.

Уже открывая дверь, он услышал звуки гитары и оглянулся. Как он и предполагал, часовой под крышей вышки, похожей на детский грибок, смотрел вниз в сторону поселка.

«Гитару слушает», – подумал он и вошел в сенцы.

А часовой на вышке что-то кричал девчонкам, стоящим рядом с гитаристом. Кричал по-русски, но с сильным узбекским акцентом. По всему было видно, что они были знакомы и пришли к вышке, точно зная, что их друг будет в это время на посту.

Вешние воды бегут с гор ручьями,
Птицы в садах звонки песни поют,
Горькими хочется плакать слезами,
А почему, я и сам не пойму...

Пел, сопровождая себя на гитаре, парень в бушлате, волнуя всех безысходностью песни, три пары девичьих глаз смотрели вверх на часового со стороны поселка, и одна – из-за угла барака второго отряда, последняя пара принадлежала некоему Шнырю-чернявому, ловкому парню в возрасте тридцати лет, относящемуся к людям, о которых говорят, что они не могут усидеть на месте, так как у них шило в филейной части.

Шнырь только что вылез из окна первого этажа на улицу, миновав таким образом встречу с дневальным, хотя, что ему дневальный. Дневальный – свой человек, ему не нужно даже говорить: ты меня не видел. Но – береженого Бог бережет, а не береженого – конвой. Если дневальный и работает на кума¹, опасаться его не стоит. Пока он доложит о том, что Шнырь покидал ночью расположение отряда, дело будет сделано, и поезд уйдет далеко.

Шнырь выглянул из-за угла еще раз. Часовой на вышке смотрел в противоположную сторону, где резвилась поселковая молодежь и откуда слышался звук гитары...

Он подлез под проволоку локалки², перебежал полосу света и добрался до колючей проволоки, отделяющей жилую зону от рабочей. Подсунул под электрический провод две деревянные рогадки пролез на КСП³. На когда-то вспаханной, но сейчас подмерзшей земле, конечно, останутся следы, и завтра их обнаружат, но пока будут разбираться, будет поздно.

Второй ряд колючки Шнырь преодолел так же, как и первый, и, оставив рогадки, побежал к тарному цеху.

Разумеется, он рисковал, но не жизнью: часовой не станет стрелять, даже если увидит бегущего. Не тот случай, подумаешь, какой-то зэк полез из жилой зоны в рабочую. Для часового это не нарушение: что здесь колония, что там... Другое дело, если бы он увидел, что Шнырь лезет на внешнее ограждение. Тут бы он своего не упустил. Часовых, пресекающих побег, поощряют отпуском, а за отпуск эти пацаны отца родного замочат.

Раньше жилую зону от производственной отделял забор. Полгода назад забор решили перенести ближе к жилой зоне, чтобы расширить рабочую. Когда его разобрали, выяснилось, что он сгнил, а на новый у Хозяина нет денег.

Прижавшись к стене цеха, Шнырь отдышался, сунул руку в выемку карниза, вытащил перемотанные шпагатом заточки и бросился назад. Сверток, который он нес, а точнее, содержимое можно было протащить из рабочей зоны в жилую по отдельности. Но на это нужно время, да и обстановку поспокойнее. Контролеры в последнее время совсем озверели, шмонают плотно, не то, что раньше.

Часовой на вышке, с которой можно было увидеть Шныря, все еще переговаривался с девицами, где-то лаяли собаки. Стоило одному псу в поселке гавкнуть, как тут же по принципу домино его поддерживали другие собаки. Однако сторожевые псы колонии в этих переключках не участвовали и в зоне было тихо.

¹ Кум (*жарг.*) – начальник оперчасти колонии.

² Локалка – внутреннее ограждение.

³ КСП – контрольно-следовая полоса.

Шнырь пробрался обратно, влез в окно умывальника, выбросил там в урну рогатки, прошел в спальное помещение, не раздеваясь, лег в постель и натянул на себя одеяло. Заточки за поясом согрелись от тепла его тела и почти не ощущались.

Виктор появился на работе в половине восьмого. Он миновал вахту, где за стеклом сидел сержант-старик из роты охраны, который в лицо знал всех постоянных сотрудников колонии и пропускал их, не глядя в документы, зато всех пришлых «пытал» долго и нудно, вынуждая их жаловаться руководству. Сержант таким образом выделялся среди сослуживцев особой требовательностью.

Виктор шел к старому вагончику, где размещались контролеры и была вторая вахта, через которую осужденные попадали в рабочую зону, и не смотрел по сторонам. Да и что было смотреть, что тут могло измениться за ночь, справа стоит котельная, которая отапливает не только колонию, но и несколько домов сотрудников за забором, слева – столовая, откуда выходят нарушители режима, поскольку ходить в столовую полагается побригадно и строем. В центре плац, где сейчас будет развод на работу и откуда бригады пойдут в рабочую зону.

Два прапорщика-контролера с печатью абстиненции на лицах ждали в вагончике осужденных и громко обсуждали «дурака ротного».

– А он меня, а он меня, – говорил один, – спрашивает: почему пьяный каждый день? Гы-гы-гы...

– А ты? – спрашивал второй.

– А я, гы-гы-гы... говорю, что чимергес⁴ пью.

– А он: где деньги на чимергес берешь? Гы-гы-гы...

– А ты?

– А я говорю, что нарисовал шашечки на телаге⁵ у одного пидараса, вывел на плац и заставил эков туда-сюда возить. Он возит, а я выручку собираю.

– Ну ты даешь...

– А хрена он прискребся.

– Уволят тебя, Колька.

– А пусть увольняют...

Продолжения разговора Виктор не слышал да и не хотел слышать. Обсуждение «дураков начальников» и угрозы уволиться – обычное дело среди сотрудников, как аттестованных, так и вольнонаемных. Все клянут свою собачью жизнь и работу, постоянно говорят, что уйдут или не будут огорчены, когда их уволят. Но куда можно уйти в Тараканино? Скотником на ферму? Там работать надо, а здешние ребята от этого уже отвыкли. Колония развращает всех, кто в ней находится: и тех, кто отбывает срок, и тех, кто работает там или служит.

Виктор вошел в пустой цех, глянул на часы, через десять минут тарный начнет работать. Тарный цех в колонии делает то же, что и тарные производства на воле – ящики, и ничем не отличается от них, если не считать, что рабочие в одинаковых робах, да лица покруче, да мат стоит погуще, да контролер нет-нет да промелькнет между верстаками и рядами ящиков.

Уже в первые месяцы работы в колонии Виктор напрочь потерял чувство опасности, которое, по мнению нормальных людей, должно всегда быть у сотрудников мест лишения свободы и за которое им платят надбавки к зарплате, в зоне, как у высотников: о страховках и опасностях вспоминают, когда кто-нибудь из товарищей сорвется вниз.

В девять ему позвонили по внутреннему телефону, впрочем, в колонии и не было наружного телефона, за исключением, разумеется, телефонов в административном корпусе.

– Виктор Сергеевич, – пищала трубка голосом секретарши Хозяина, – вас вызывает начальник колонии.

⁴ Чимергес (жарг.) – самогон.

⁵ Телага (сленг) – телогрейка.

Через десять минут он был в приемной, но его кто-то опередил, и секретарша попросила немного подождать.

– О-о, тебя прямо Бог послал, – сказал заглянувший в приемную Зубов, он же начальник оперчасти, он же кум – третий человек в колониетской иерархии после Хозяина и зама по режиму, – не в службу, а в дружбу, смотайся, Витя, в зону. Тут Семеновна с зубами мучается и рвется в санчасть, чтобы Валя ей таблетку дала, а все мои ребята и контролеры в разгоне: во втором отряде рогатки в урне нашли, значит, кто-то лазал ночью в рабочую зону. Сходи с Семеновной, пока начальник занят, пусть Валя посмотрит ее и что-нибудь даст... в зубы, – закончил свою тираду кум и захохотал, довольный шуткой.

По заведенному правилу женщины по территории колонии ходили только в сопровождении сотрудников мужчин. Правда, одно время среди женского персонала находились горячие головки, которым это правило не нравилось, но Хозяин пригрозил как-то уволить всех, кто болтается по зоне без сопровождения, и число горячих головок сократилось до нуля.

Семеновна – заместитель главного бухгалтера, пятидесятилетняя женщина, стояла в коридоре и держалась рукой за щеку.

Виктор без особого энтузиазма поднялся со стула и вышел в коридор, механически отметив, что кум, упомянув Валентину, уж как-то заговорщицки на него посмотрел.

«К чему бы это», – думал он, шагая чуть поодаль Семеновны.

Возле кабинета врача, где фельдшерица Валентина вела прием больных, сидели двое. Крупный, сбыченный осужденный из второго отряда Сафонов, скрючившись, держался двумя руками за живот, второй – маленький, подвижный, похожий на цыганенка Клевало, более известный в зоне, как Шнырь, бережно поддерживал Сафопова, кличку которого Виктор почему-то не мог вспомнить.

Лицо Сафопова не было лицом больного человека, хотя он старался изобразить на нем неземные муки. Виктора это не удивило. Он уже привык к тому, что санчасть в колонии не только заведение, где могут оказать медицинскую помощь, но и место, где можно спрятаться, отдохнуть и где каждый старается выставить напоказ свои страдания, а если таковых нет, то придумать их.

В кабинете Валентина заканчивала слушать очередного больного. Она стояла перед ним и прикладывала фонендоскоп к его груди. Больной старательно хрипел всеми легкими, во всю спину его была выколота картина «Бой Челубея с Пересветом». Вздрыбившиеся кони, искаженные лица всадников, тревожные с полутонами облака говорили о высоком мастерстве того, кто создавал эту картину.

Визит лейтенанта и старой бабы из бухгалтерии был для больного явно не ко времени, потому что, имитируя сквернейшее состояние и преувеличивая симптомы болезни, которая известна, как бронхит курильщика, он намеревался выпросить у фельдшерицы стандарт «терпикондрата»⁶. И вот все рушилось, потому что пришли посторонние и фельдшерица, конечно, не даст ему целый стандарт, а выдаст таблетку и скажет, чтобы за следующей пришел вечером.

Так и вышло. Просящий взгляд пациента был оставлен без внимания. Он ушел с обидой на лице, а Валентина, усадив пришедших, спросила:

– Что произошло?

Валентина могла и не спрашивать, потому что щеку Семеновны разнесло так, будто ее укусила пчела.

– Жубы, – запричитала Семеновна, – а тут отчет составлять надо, а-а...

Закончить фразу она не успела. Дверь со скрипом отворилась, и Шнырь ввел в кабинет согнувшегося пополам Сафопова. Виктор посмотрел на него и вспомнил его кличку...

⁶ Терпикондрат (*жарг.*) – терпингидрат.

Капитан Внучек был в квартире один. Жена с утра ушла к секретарше отделения Байметовой, у которой была чуть ли не единственная в городе подшивка «Бурда-моден». Внучек вымыл пол, вылил грязную воду в унитаз, сполоснул ведро, принял душ, завалился на диван и стал ждать жену, мучаясь от безделья.

Должность Внучека, если заглянуть в штатное расписание Каминского горотделения КГБ, значилась очень длинно – старший оперативный уполномоченный, в Каминске он работал всего три месяца, первый из которых, как и положено, он прожил в гостинице, следующие два в общежитии местного техникума. В конце декабря подошло время очередного отпуска, и к нему из Н-ска приехала жена. Общежитие не то место, где можно принять молодую женщину, считающую, что ее муж переведен в Каминск «на повышение». А раз так, то Внучек договорился с одним своим другом, имевшим однокомнатную квартиру, пожить пару-тройку дней у него. Друг перебрался в комнату Внучека, а Внучек встретил и препроводил жену в квартиру друга, где они прожили три дня и сегодня собирались уехать в Н-ск, а оттуда с «поездом здоровья» в Лужбу, которую эн-цы не называли иначе, как сибирской Швейцарией.

– Горы, солнце, искрящийся снег – все это запомнится тебе на всю жизнь, – говорила жена. Она до замужества ездила на Алтай «в составе такого же поезда».

Внучек сладко потянулся и посмотрел на две сумки с теплыми вещами, поверх которых были привязаны новенькие ботинки для лыж, еще без дырочек на подошве. Ботинки были куплены специально для поездки, их можно будет приспособить к любому креплению.

Зазвонил телефон, Внучек снял трубку, надеясь услышать голос жены, но ошибся.

– Федор Степанович?

– Да, – сказал Внучек.

– Еле вас разыскал, – обрадовался шеф.

Внучек был опером, и оперативная интуиция мгновенно подсказала ему, что горы, солнце, искрящийся снег и смех Наташки для него не приятное будущее, а несбывшееся прошлое.

– В Тараканино, – говорил между тем шеф, – двое или трое заключенных захватили заложников.

Шеф в отличие от Внучека не работал в местах лишения свободы и не знал, что в СССР нет заключенных, а есть только осужденные...

– При чем тут мы, – перебил его Внучек, – до Тараканино сто пятьдесят по прямой, а по кривой и того больше.

– Начальство звонило из Н-ска, – сказал шеф, – просило отслеживать обстановку и войти в штаб по освобождению заложников.

– Мне собираться в Тараканино?

– Да нет, – возмутился шеф непонятливости подчиненного, – штаб создают в Каминске, в СИЗО⁷.

– Но я в отпуске, у меня на руках билеты в Лужбу... меня жена съест, – сказал Внучек, а про себя подумал: и чего бы тебе самому не войти в этот штаб...

Однако шеф тоже был опером, он угадал мысли подчиненного.

– Федор Степанович, вы же единственный специалист по местам лишения свободы... сбор через полчаса в следственном изоляторе...

– Хорошо, – ответил Внучек и чуть было не выругался.

Здесь нужно сказать, что Внучек не ругался матом. Несколько лет назад в каком-то ксерокопированном издании он прочел статью о том, что известный всему миру русский мат вовсе не русское изобретение. И возникло сие уникальное и универсальное явление во времена татаро-монгольского нашествия. С тех пор Внучек стал себя контролировать и никто, даже в самые

⁷ СИЗО – следственный изолятор.

распаскудные моменты жизни, когда всех и вся хотелось послать как можно дальше, не слышал от Внучека ни одного матерного слова. Правда, особенность эта делала его белой вороной среди коллег, которые иногда относились к нему так, как алкоголики относятся к трезвеннику.

После разговора с шефом Федя набрал номер Байметовой. Байметову звали Раиса Михайловна, но с недавних пор она вдруг стала представляться как Раиса Максимовна, и все, кто слышал это, говорили: ого... Это чрезвычайно льстило Байметовой, у всякого времени свои кумиры, и год тысяча девятьсот восемьдесят девятый не был исключением из общего правила.

Внучеку не хотелось сообщать о случившемся жене по телефону, и он попросил ее срочно вернуться домой.

Спустя полчаса Наталья появилась в квартире, покрасневшая от мороза и предчувствия чего-то недоброго.

– Что произошло? – спросила она с порога.

– Происшествие небольшое... – начал он.

– А при чем тут ты? – безапелляционно заявила Наталья. – Ты же в отпуске.

– Ну сама понимаешь...

– А начальник?

– Он занят, – соврал Федя.

– И что?

– Придется задержаться на сутки... может быть, на двое...

– Но у нас поезд в три часа...

Ему хотелось сказать: поезжай одна, я тебя догоню, но жизненный опыт подсказывал, что давать такие обещания нельзя, за этим происшествием может последовать другое или это же продлится не сутки, а в двое-трое больше...

– Что же делать? – спросила она.

– Может, одна поедешь, – сказал он, надеясь, что она откажется.

– Хорошо, – решительно ответила она, – я поеду одна, а ты работай, работай и, может, когда-нибудь орден «сутулого» получишь, им как раз таких, как ты, награждают.

Такой реакции он не ожидал. «Вот тебе и подруга жизни...» Но он погасил в себе огонек злости, только сказал:

– Езжай... ключ я возьму с собой, а ты дверь захлопнешь.

Решив самый трудный вопрос, он оделся и направился в СИЗО.

В том, что он вспомнил кличку, не было ничего удивительного. У таких, как Сафонов, она написала на лице, а не вспомнил он ее в коридоре потому, что Сафонов сидел, наклонившись... и Виктор не разглядел его. Всякий, кто видел Сафопова первый раз, не мог избавиться от ощущения, что знает его кличку. Да и как можно назвать человека среднего возраста, с полным неподвижным лицом и маленькими глазками, как не Хряком.

– Витя, – сказала Валентина, увидев, что Шнырь еле тащит Сафопова, – помоги...

Виктор поднялся со скамейки, подхватил Сафопова под мышки.

«Тяжелый до чего», – подумал он и вдруг почувствовал, что мышцы Сафопова мгновенно превратились в сталь. Сафонов выпрямился и ударил Виктора головой, удар пришелся Виктору не в лицо, а в ухо... Звон, как от боя настенных часов, раздался в голове начальника тарного цеха, потом голову словно закутали в плотное, но мягкое одеяло, и он перестал что-либо слышать и ощущать.

Очнувшись, он почувствовал сильную боль в левой половине головы и непонятную тяжесть в области поясницы. Повернув голову направо, он все понял. Шнырь и Хряк уложили его и женщин вниз лицом на пол, а сверху положили вверх ножками скамейку, на которой только что сидел Виктор.

«Предусмотрительные ребята», – подумал о захватчиках Виктор, подумал так, будто не его захватили для каких-то целей осужденные, а кого-то другого, а сам он смотрит фильм, и, если и сочувствует захваченным, то только чуть-чуть...

– Лежать, всем лежать, – говорил Хряк, расхаживая возле голов лежащих, – будете лежать тихо, останетесь живы... Шнырь, дневального.

Шнырь выскочил в коридор и вскоре появился с дневальным по санчасти – высоким парнем в чистой робе, с аккуратной биркой над одним из нагрудных карманов, на которой была четко видна фамилия «Катков», и в шапке, лихо сдвинутой на затылок.

– Видел? – сказал Хряк, кивнув в сторону Виктора и женщин.

– Ага, – ответил Катков. Дневальные в зоне – не последние ребята. Он сразу все понял и готов был выполнить все, что скажет Хряк.

– Скажешь ДПНК⁸, – продолжал Хряк, – что мы взяли заложников. Ко входу пусть никто не подходит, сунутся – всех кончим. – И Хряк показал дневальному заточку, а стоящий рядом Шнырь движением фокусника вытащил из рукава телогрейки сразу две.

– Понял? – спросил Хряк у дневального.

Парень кивнул, но Хряка это не устроило. Он сказал:

– Повтори...

Дневальный, путаясь, повторил все, что сказал Хряк...

Потом Хряк долго и не мигая смотрел в глаза парня, от чего тот побелел, как стена, и прорычал:

– Пошел...

По коридору загрохотали сапоги с подковами, и все затихло. Шнырь закрыл двери санчасти на ключ, взятый у Валентины, подтащил ко входу стол.

«Дверь подперли, чтобы ее сразу не смогли открыть», – подумал Виктор и опять удивился, что не воспринимает события, как реальность, несмотря на стоны Семеновны и отвратительнейший запах, который исходил из щелей пола кабинета начальника санчасти.

Хозяин, кум и ДПНК появились перед окном кабинета начальника санчасти. Первые двое были без шинелей и шапок, последний – одет по полной форме.

– Сафонов, – заорал начальник колонии, – прекрати дурить, отпусти людей.

В это время раздался звон разбитого стекла и из окна второго этажа появилась обмотанная штормовой лентой рука Сафонова.

– Не пыли, начальник, – сказал Хряк в разбитую шибку, – людей я тут же отпущу, а ты выпусти из ШИЗО Бузу.

– Прекратить, – закричал начальник, но голос его сорвался, и он некоторое время шевелил губами, не произнося ни слова, как рыба.

Кум пытался остановить его, но начальнику словно вожжа под хвост попала. Он снова обрел голос и стал грозить Сафонову.

– Кончай базар, – перебил его Хряк, – нам много не надо, выпустишь Бузу, отпустим людей.

– Да я вас...

– Даю пятнадцать минут, если здесь не будет Бузы, зарежу лейтенанта. Время пошло... И не хитри, убьешь одного, второй – всех замочит...

И Хряк так же, как и дневальному, показал начальнику колонии заточку.

Начальник прослужил в МВД двадцать три года и всякого навиделся. Но за все это время его впервые так унизили. С Хозяином все, даже самые отпетые зеки, разговаривали уважительно. Конфликтовать и дергать в зоне можно кого угодно, но не начальника колонии, потому что начальник не просто зовется Хозяином – он действительный хозяин и не только сотруд-

⁸ ДПНК – дежурный помощник начальника колонии.

ников колонии, но и тех, кто мотает срок, ибо от него в жизни осужденных зависит многое, если не все.

Оплеванный начальник продолжал стоять перед окнами санчасти, а Хряк задернул шторку, еще раз подчеркнув, что сейчас он – хозяин положения.

Два желания боролись в начальнике колонии: разнести в пух и прах захватчиков или не делать ничего, спустить все на тормозах, авось обойдется.

У начальника было несколько минут, чтобы дать команду выломать дверь и попытаться спасти заложников. Хотя спасти – громко сказано, если Хряк и Шнырь не блефуют, заложников не спасти... Хреново это, но ничего не поделаешь – погибли при освобождении... Однако здесь было одно «но». Если бы такое случилось после доклада в управлении и получения санкции на освобождение, тогда было бы ничего. А так ему крепко намылят шею... И начальник дал команду освободить из ШИЗО Бузу.

Бузу, или Арбузова, одного из колонистских авторитетов, привели под окна санчасти прямо в наручниках. Начальник, стоявший рядом с ним, закричал:

– Сафонов...

Шторки окна раздвинулись, и показавшийся там Хряк сказал:

– Пусть подойдет к дверям...

Начальнику хотелось быстрее покончить с унижением, которому он подвергался, и он не придумал ничего лучшего, как сказать Бузе: «Иди», от волнения забыв даже снять с него наручники.

Шнырь открыл Бузе дверь, и тот вошел в коридор, вдвоем они снова придвинули стол к дверям. Шнырь бросился в кабинет, нашел среди рассыпанных на полу бумаг железную скрепку, согнул ее и открыл таким образом наручники на руках Бузы.

Буза, пока Шнырь освобождал его от оков, не проявил ни малейшего беспокойства. Он вел себя сообразно своему положению в зоне, так ведет себя лев, позволяя прикоснуться к себе другому только для того, чтобы тот другой вытащил у него из лапы занозу.

Буза не был здоровяком, как Хряк, и ловкачем, как Шнырь, но тем не менее все заложники поняли, что главный здесь он и только он.

Он тут же дал команду разбить стекла в шкафу с медикаментами, перетащить шкаф в коридор и забаррикадировать дверь. И Шнырь послушно, а Хряк с некоторой неохотой выполнили эту команду. Он приказал Шнырю приковать наручниками к батарее лейтенанта, а женщин поднять с пола и посадить на скамейку, связав их шпагатом спина к спине.

И то, и другое Шнырь проделал с той же ловкостью, с коей карманники извлекают бумажник из заднего кармана брюк, именуемого у «специалистов» чужим.

Потом Буза посочувствовал Семеновне и спросил Валентину, что дать бухгалтерше, чтобы у нее прошла зубная боль. На что Семеновна пыталась замахать связанными руками, поскольку что-то, а зубная боль у нее прошла.

Сделав все это, Буза показал себя рачительным хозяином, который сначала накормит свою скотину, а уж потом опустится до разговора с соседом.

– Нам ничего не надо, – сказал он начальнику колонии, выглянув в окно, так же, как это делал Хряк. – Будете хитрить, всех пришьем. Звони в Н-ск – нам нужен прокурор области, – разговаривать будем только с ним... – И, усмехнувшись, добавил: – Конец связи...

Следственный изолятор, который все в Каминске звали просто тюрьмой, стоял на взгорье. Место это пятьдесят лет назад было окраиной города. Но время шло, город рос и со всех сторон окружил высокие стены тюрьмы, а сама тюрьма в окружении домов частного сектора стала похожа на средневековую крепость, куда обычно прятались от набегов неприятеля жители близлежащих деревень.

Однако Каминская тюрьма не была защитницей каминцев, скорее наоборот. От нее исходила некая отрицательная энергия, которая, распространяясь вокруг, отравляла жизнь взрослых и детей. Особенно детей. Подростки, выросшие возле тюрьмы, знали жизнь за ее стенами так же хорошо, как их сверстники знают жизнь заводов и фабрик, возле которых живут. И многие из них, по достижении зрелости, уходили под крышу Каминской тюрьмы. Для одних она становилась местом работы, для других – местом отбывания наказания...

Внучек открыл первую дверь маленького тамбура-предбанника. В дежурной комнатке, отгороженной от тамбура большим куском плексигласа, сидел прапорщик. Внучек бросил ему в выдвижной ящик удостоверение личности. Прапорщик, отлично его знавший, тем не менее долго сравнивал фотографию с предъявителем и, наконец, вернул удостоверение обратно. После этого раздался щелчок, возвестивший, что запор второй двери открыт, и Внучек прошел через нее и стал подниматься на второй этаж, где располагался кабинет начальника.

– Ага, вот еще один член «тройки», – съехидничал начальник Каминского горотдела милиции Узякин. Он восседал за столом начальника изолятора. За приставным столиком сидел командир батальона охраны МВД Собинов, который в отличие от своего знаменитого однофамильца совсем не имел голоса, но петь обожал, особенно после употребления спиртного.

Узякин чувствовал себя хозяином положения и кабинета, так как в подобных случаях он становился старшим оперативным начальником.

– Раздевайся, думать будем, – сказал он.

– Мыслители собрались, – буркнул комбат и выругался.

Ругательство вызвало кривую улыбку у Внучека, на что Узякин мгновенно отреагировал:

– Он у нас интеллигент, не ругается... и правильно делает, а то Боженька язык отбоярит...

гы-гы...

В кабинете появился начальник изолятора – пятидесятилетний мужик, седой, аккуратный, звали его Михал Михалычем, подчиненные называли Михалычем, а хохмач Узякин – начтюрьмом. Михалыч появился с кофейником в руках. Кофейник был тут же поставлен на подоконник, включен в сеть, а начальник изолятора полез в стол за чаем.

Чай – первое дело в тюрьме. Пришел к тебе по делу человек со стороны – поставь ему чай, если ты, конечно, уважаешь его и хочешь сдвинуть дело с мертвой точки, хочешь поощрить или поддержать осужденного или подследственного – напои его чаем. Чай – тюремная валюта, в ней, если вспомнить Маркса, все вещи и услуги отражают свои стоимости.

Раньше тюремные правила не позволяли подследственным и осужденным иметь и заваривать чай в камерах, но все уважающие себя «сиденцы» его имели. Сейчас времена изменились, заваривать и пить чай разрешено, но возникла другая проблема – чая нет... Исчез он из магазинов на воле. Об этом все знают, но тем, кто попал в тюрьму до перестройки, этого не объяснишь, не верят они, что такое может случиться. Они считают, что администрация их накалывает, зажимает чай, и, конечно, бузят и дергают Михалыча и его ребят, требуя чая.

Забулькал кофейник. Михалыч бросил в него заварку, выдернул штепсель из розетки, замотал кофейник полотенцем и удул куда-то по своим делам: что ему чужие заложники, не в его же тюрьме их захватили.

Михалыч пришел работать в изолятор четыре года назад в надежде получить здесь звание подполковника. Должность «начтюрьма» была «вилочной» и при определенном наполнении изолятора спецконтингентом можно было надеяться на вторую большую звезду.

Однако почти в то же время началась кампания по борьбе с пьянством, и, что удивительно, количество спецконтингента в первые ее месяцы сократилось чуть ли не вдвое.

Большое утешительное начальство из Н-ска обрадовалось такой «тенденции». В управлении ИТУ кто-то написал служебную записку, что изолятор в Каминске со временем придется закрыть. Но потом все вернулось на круги своя. Шок прошел, и изолятор стал набирать спецконтингент в полтора раза больше, чем раньше, то есть до кампании. Однако в головах началь-

ников «тенденция» снижения так и осталась, и Михалыч до сих пор ходит в майорах, тогда как его бывший начальник по горотделу милиции Узякин, человек относительно молодой, получил звание подполковника.

– Итак, господа офицера, – начал начмил, – что мы имеем... Трое осужденных из Тараканинской тюрьмы, тьфу, колонии, захватили трех заложников. Докатилась и до нас эта зараза...

Внучек хотел сказать, что эта зараза докатилась давно, но вспомнил, что Узякин говорит только за свой район, и сдержался.

– Кому приходилось работать по освобождению заложников? Ага, никому... Значит, будем исходить из здравого смысла, тем более что сейчас все к этому призывают. Так?

– Так, – ответил Внучек, – но не грех вспомнить и то, чему нас в бурсе учили.

– А в бурсе нас этому не учили, – обозлился Узякин, – в бурсе нам говорили, что организованная преступность, терроризм, захваты заложников совершаются только там, это их явления и нам они не присущи...

– Да хватит вам, – вмешался Собинов. Он был человеком военным, много говорить не привык, однако положение члена «тройки» обязывало что-то говорить, и он был рад, что это «что-то» было попыткой примирить двух других членов «тройки».

– Ну ладно, так ладно, – сказал Узякин и выругался, – что-то нервы стали сдавать. Из чего будем исходить?

– Из главной задачи, – ответил Внучек и хотел добавить из какой, но в последний момент сдержался и дал возможность высказаться главному оперативному начальнику.

– Спасти людей, – произнес Узякин, – спасти людей, а что для этого нужно?

– Для этого нужны люди, – вставил свое слово Собинов...

– Конечно, – согласился Внучек, – но для того чтобы подключить людей, нужно располагать информацией о тех, кто захватил, и о тех, кого захватили.

– Устами молодежи, – сказал Узякин, объединяясь этой фразой с Собиновым, которому тоже было под сорок, в отличие от тридцатитрехлетнего Внучека, – а что мы знаем о тех и других?

– Ничего, – съехидничал Собинов и улыбнулся, видимо, радуясь тому, что так ловко участвует в беседе.

– Правильно, – поддержал Узякин, поэтому я сейчас позвоню в управление...

– Есть лучший вариант, – перебил его Внучек. – В корпусе три телефона: здесь, в спецчасти и оперчасти. Расходимся по кабинетам и каждый через своих коллег постарается урвать часть информации о захватчиках и заложниках. Мы звоним в Н-ск, а Дмитрий Иванович в Тараканино: одна из его рот несет там охрану. Разбегаемся?

– Разбегайтесь, – скомандовал Узякин, – я как старший оперативный начальник останусь здесь.

– Арбузов! – кричал начальник колонии в окно кабинета врача санчасти. – Повезло вам: прокурор области был в командировке в Каминске и теперь вылетел к нам на вертолете. Отпусти женщин хотя бы, все выглядеть лучше будешь перед прокурором.

– Мне с прокурором детей не крестить... прилетит, поговорим, – сказал Буза даже не отдернув шторку окна.

Буза был занят. Он в очередной раз проводил «работу» с заложниками. Делал он это так, как когда-то делал один из «воспетов»⁹ в ВТК, где Буза отбывал первый срок. Он ходил туда-сюда рядом со скамейкой, на которой сидели женщины и прикованный к батарее водяного отопления Виктор.

⁹ Воспет (*жарг.*) – воспитатель в ВТК.

– Еще раз повторяю, – говорил Буза тоном учителя начальных классов, – вам ничего не сделают, если вы не начнете геройствовать. Это относится к вам, гражданин начальник. Сидите спокойно, все, что вам нужно, дадим, надо пить – пожалуйста, надо есть – ноу проблем, в туалет – Шнырь проводит, станет поспокойнее – руки развяжем. У нас к вам ничего нет. И у вас к нам ничего быть не должно. Ты на Хряка зла не держи, ты вон какой здоровый (Буза был тонким психологом и знал, на каких струнах мужского самолюбия можно сыграть в присутствии женщин), Хряк не стал бы тебя бить, но, сам понимаешь, у нас правило: ты нам не мешаешь – мы тебя не трогаем.

Хряк и Шнырь стояли в коридоре и смотрели на беседу через проем открытой двери. На подвижном лице Шныря была написана полная поддержка всего, о чем говорит Буза. Хряк же чуть кривился: он был человеком, о котором в зоне говорят «живет на кулаках», и к болтовне относился с презрением.

– Шнырь, – сказал Буза своему подручному, закончив воспитательное мероприятие, – дуй к дверям, менты там пост установили, скажи, чтобы пожрать принесли.

– Понеслись, как душа в рай, – сообщил Шнырь, вернувшись через минуту.

– Заберешь шамовку, – инструктировал его Буза через несколько минут, – скажешь, чтобы поставили и отошли, скажешь, что первое движение в сторону двери, и заточки у них в горле.

Спустя четверть часа заложники были отгорожены от захватчиков ширмой, за которой в обычное время осматривали больных, а посередине кабинета сооружен стол, в центре которого стоял бачок с кашей, в которой плавали кусочки мяса, рядом лежали алюминиевые ложки и булка черного ждала своей участи.

Шнырь затащил из коридора скамейку и спросил Бузу:

– Начнем?

Буза словно не слышал его. Он долго держал паузу, в ходе которой Шнырь почувствовал себя полным ничтожеством, а потом произнес:

– Ты что – зачуханец? Смотайся еще раз, скажи, что нужны ложки и вилки из ментовской столовой и тарелки тоже, и пусть кончат шутить, козлы, и чай пусть принесут, да не в отрядах возьмут, а у себя пошарят.

С чаем, вилками и тарелками дело шло не так споро, и Шнырь и Хряк чуть было не изошли слюной. Шнырь даже стал побаиваться, что Бузе вздумается выбросить холодную кашу и потребовать новой.

Но вот все, что требовалось, оказалось на столе. Однако Буза опять не торопился. Он сходил к входным дверям, проверил, надежно ли приперты они столом и шкафом. Даже если их вышибут тараном, на это уйдет секунда-другая, да еще десять метров по коридору, за это время заложники будут трижды мертвы: Буза слов на ветер не бросает...

Потом он вернулся в кабинет, но не сел на скамейку, а кивнул Шнырю. Шнырь понял его и пошел за ширму. Никто из заложников есть не согласился, только после этого, поощренный взглядом Бузы, Шнырь двумя сложенными ложками разложил кашу и мясо по тарелкам, дождался, пока ложку возьмет Буза, и начал метать, Хряк поглощал пищу, как рвал, два жевка – и ложка снова устремлялась в тарелку.

Один Буза ел неторопливо, словно не отбыл восемь суток в ШИЗО, а был пресыщен пищей, прежде чем поднести ложку ко рту, он медлил, будто раздумывая, делать ему это или не делать. И здесь становилось ясно, почему на воле Бузу принимали за сына большого начальника. И не только принимали, но Буза и сам нередко представлялся таковым.

– Папа у меня член ЦК, – говорил он, – а мама простой врач.

Он не был мошенником, но вполне мог стать, ибо в нем был талант артиста и то, что помогает не только выжить в зоне, но и управлять другими, – воля, которая непонятным образом размещалась в его тщедушном теле.

После еды Буза и Хряк закурили по сигарете. Шнырь, решивший было сбросить грязные тарелки в угол кабинета, в последний момент передумал, потому что натолкнулся на взгляд Бузы и понял, что тому это не понравится.

Он унес тарелки и вилки из комнаты и вернулся с кипой «Медицинской газеты», которую выписывал на санчасть находящийся в отпуске начальник медслужбы колонии.

Шнырь ловко скрутил из газет несколько фитилей, замотал руку халатом Валентины, взял этой рукой кружку с водой, зажег один из фитилей и поднес ко дну кружки. Меняя фитили, Шнырь быстро довел воду до кипения, бросил туда пачку чая и опять поднес фитиль к кружке. Пенная шапка вспучилась и чуть было не выплеснулась на пол, но Шнырь убрал огонь, а затем еще несколько раз подносил его ко дну кружки, заставляя шапку то появляться, то исчезать.

Затоптав последний фитиль, Шнырь поставил кружку на стол, закурил сигарету, сдул с чая коричневую пену, сделал небольшой глоток и передвинул кружку Бузе. Тот выждал некоторое время, сделал свой глоток, после чего подвинул кружку Хряку и затаился «Примой».

– Кайф, – сказал Шнырь, когда кружка вновь пришла к нему.

Буза и Хряк ничего не ответили, но по их лицам было видно, что они с этим согласны.

– Ну, чем богаты? – спросил Узякин Внучка и Собинова, когда те возвратились в кабинет начальника изолятора.

– Чем богаты, тем и рады, – ответил один Внучек не слишком любезно, потому что ничего интересного и нового он в информационную копилку «тройки» не внес. Он только что связался с начальником отделения, тот позвонил по оперсвязи в Н-ск, а там сообщили то, что уже было известно: «какие-то осужденные, захватили каких-то заложников». Кто они? Что представляют собой заложники? Что толкнуло на этот шаг первых и в каком состоянии вторые? Не ответив на эти вопросы, нельзя было планировать мероприятия по освобождению.

Но Внучек напрасно злился на своих коллег. Коллеги Узякина и Собинова тоже ничем не помогли.

– Слушай, Кутузов, – бесцеремонно обратился к Собинову Узякин, – а ты куда звонил? В Н-ск, что ли?

– Да, – чистосердечно сознался Собинов.

– Ну ты даешь, что они в Н-ске за триста верст от Тараканино могут знать, тебе же советовали позвонить в Тараканино.

– Я звонил, но там все время сбрасывает, и идут короткие гудки.

– Короткие гудки, короткие гудки, – передразнил его Узякин, – ну КГБ, помогай коллеге. Я знаю, у тебя везде свои люди.

– Пиши номер на бумаге, – сказал Внучек Собинову.

Пока комбат искал ручку, Внучек набрал 07 и связался со старшей телефонисткой.

– Марина Владимировна, помочь надо спецслужбам, срочненько номер в Тараканино. Давай телефон... Разговор на наш счет.

Собинов занимал телефон добрых двадцать минут. Он что-то записывал на листке бумаги, переспрашивал командира роты охраны, опять что-то записывал. К концу разговора он основательно взмок от такой непривычной «интеллектуальной» работы.

– Ну? – спросил его Узякин, когда тот положил трубку телефона на рычаг.

– Наливай, – словно не слыша Узякина, произнес комбат. Ему было приятно, что Узякин хоть как-то зависит от него, и он хотел оттянуть момент, когда утратит преимущество в информированности.

Михалыч поставил чашки на стол и разлил остывший чай.

– К чаю, к сожалению, дать ничего не могу, – сказал Михалыч, – даже «дунькина радость» сейчас дефицит, на отоварку не хватает.

– Да-а, – подколот его Узякин, – времена настали, даже в тюрьме стало плохо жить, доказались...

– А что вы имеете против тюрьмы, – обиделся Михалыч, – тюрьма как тюрьма, не хуже многих.

– Ну что ты, – продолжал язвить Узякин, поддразнивая своего бывшего заместителя, – она одна из лучших.

– Так оно и есть, – вмешался Внучек, защищая Михалыча, с которым ему приходилось часто работать и одновременно стараясь не задеть самолюбие Узякина, – я в своей жизни много тюрем видел и прямо скажу, у Михалыча здесь порядок, во всяком случае, никто не голодает и вшивости нет.

Узякин и сам понимал, что говорил ерунду, зашел слишком далеко и был благодарен Внучеку за вмешательство.

– Ладно, – буркнул он, отодвигая чашку от себя, – Каминская тюрьма – лучшая тюрьма в мире. Так что нам скажет командир батальона?

Собинов взял в руки лист с записями и начал:

– Двое осужденных...

– Как двое? – перебил его Узякин.

Комбат бросил на начмила взгляд, укоризненный и терпеливый одновременно, и повторил:

– Двое осужденных: Сафонов, пятьдесят восьмого года рождения, статья 145-я, семь лет, и Клевало, шестидесятого года рождения, 144-я, пять лет, утром пришли в санчасть и захватили в качестве заложников фельдшера, женщину, которая пришла на прием, и сотрудника колонии...

– Должность и звание, – переспросил его Узякин, как будто это имело какое-то значение.

– Лейтенант, – ответил Собинов, – начальник производства. Захватчики забаррикадировались в санчасти и потребовали, чтобы им привели некоего Бузу, который сидел в ШИЗО.

– За что сел в ШИЗО Буза? – спросил Внучек. – Это может быть важно.

– Буза заварил большую кашу, стал бодаться со старым вором – Чубатым. Хозяин, конечно, знал об этом, ему два медведя в одной берлоге не нужны, и он посадил за какую-то провинность Бузу в ШИЗО. Хозяину спокойней с Чубатым, тот не такой молодой и шустрый, как Буза.

– Во, – сказал Узякин и потер рукой об руку, – становится теплее.

– Теплее, но не совсем, – ответил комбат, – на освобождении Бузы они не остановились, а заявили, что хотят говорить с прокурором области.

– Не ниже, – съязвил Узякин.

– Да, – подтвердил комбат, – на счастье начальника колонии в Каминске в командировке был заместитель прокурора области. Он вылетел вертолетом в Тараканино. Но там захватчики заявили, что прокурор им был нужен для того, чтобы ночью не перестреляли, и потребовали перевода в другую колонию либо в ближайший изолятор.

– Ага, – сказал Узякин, – совсем тепло, значит, к нам. Значит, недаром собрались...

– В общих чертах понятно, – перебил Узякина Внучек, – теперь надо разобраться с распределением ролей в этой троице.

– Распределение обычное, – ответил комбат, посмотрев в свои записи, – Буза – голова, я даже думаю, что все это организовал он, а не Сафонов и Клевало. Сафонов-Хряк – солдат, бык. Клевало-Шнырь – парняга на побегушках, хотя тоже опасен: ткнуть заточкой ни ума, ни авторитета не надо.

– Арбузов, Арбузов, с вами будет говорить прокурор области, – хрипло кричал начальник колонии. Он был уже в шинели и шапке, из-под которой торчали седые виски, еще утром цвет их был совершенно иной: начальник крепко переживал случившееся.

Буза отодвинул край шторки и посмотрел вниз: рядом с начальником стоял мужчина лет пятидесяти в норковой шапке и короткой дубленке. Сзади него были двое смуглых бойцов из роты охраны, которые, в нарушении всех инструкций, запрещающих появление в зоне с оружием, были вооружены автоматами.

– Мне нужны доказательства, – проорал Буза в разбитую форточку.

– Я хочу с вами поговорить, – сказал мужчина в дубленке, – возможно, один на один...

– Мне нужны доказательства...

– Доказательства чего? – не понял прокурор и обратился к начальнику колонии.

– Они не верят, что вы – прокурор области.

– Я – заместитель прокурора, – ответил мужчина в дубленке.

– Я не могу отпустить вас одного, – произнес начальник, а про себя подумал: «Если они и тебя захватят – мне конец».

– Ну почему же, – сказал зампрокурора области, – если они дадут гарантии...

«Какие гарантии», – чуть было не вырвалось у начальника, и только сознание высокого положения мужчины в дубленке остановило его от крутого ругательства.

– Как будем выходить из сложившейся ситуации? – спросил мужчина.

– Нужно встретиться на нейтральной территории.

Договорились неожиданно быстро. Буза предупредил, что во время переговоров заточки будут на глотках у заложников и что, если он через пять минут не вернется в санчасть, заложников зарежут.

Через некоторое время в коридоре возле санчасти Буза встретился с представителем прокуратуры.

Мужчина в дубленке предъявил ему свое удостоверение. Буза проверил его и не стал ломаться, говорить, что они требовали прокурора, а им предоставили только зама, хотя такой вариант прогнозировался.

– Мы пригласили вас, – начал Буза торжественно и настолько уверенно, что прокурору показалось, что они либо сто лет знакомы, либо зам у Бузы на посылках, – для того чтобы оскорбленные начальники не расстреляли нас ночью вместе с заложниками. Теперь мы уверены, что они этого не сделают, и выдвигаем последнее требование: наш разговор продолжится в другой колонии. Туда мы поедем с заложниками и в вашем сопровождении. Даем полчаса на приготовления... полчаса... Если через тридцать минут будет готов автомобиль – освобождаем одного из заложников, и так далее.

Буза повернулся и пошел прочь к дверям санчасти, за которыми его ждал Шнырь. Прокурор не успел сказать ни слова, хотя перед встречей мысленно прокрутил в голове речь, где много внимания уделено последствиям, которые могут наступить для захватчиков, если они...

Вернувшись в административный корпус, прокурор изложил все, что сказал ему Буза.

Начальник колонии был против такого варианта событий.

– А вдруг по дороге что-нибудь случится, они подумают, что это попытка освободить заложников, и покончат с ними? – произнес он, думая про себя, что если заложников освободят здесь, то он будет начальником колонии, у которого захватили заложников, но тут же освободили. Если же осужденные вместе с заложниками уедут – он будет просто начальником колонии, у которого ээки захватили заложников.

– У нас нет другого выхода, – сказал прокурор, – это долгий путь, но бескровный...

– Надо попробовать уговорить их не брать с собой заложников, – предложил начальник колонии прокурору, – они вам поверят.

На этот раз переговоры прокурора с Бузой проходили через двери санчасти.

Буза был непреклонен и, сколько ни уговаривал его прокурор оставить заложников, сколько ни гарантировал перевозку захватчиков в Каминский изолятор, стоял на своем. И чтобы поставить все на свои места и еще раз напомнить, кто у кого в руках, сказал:

– Осталось пятнадцать минут.

Это подействовало, и уже через десять минут перед окнами санчасти стоял автозак.

– Отпусти литеру, – попросил Буза Шныря. Тот пошел в кабинет, но тут же вернулся.

– Он не хочет бросать женщин.

Хряк, услышав это, поднялся со скамейки, чтобы сделать так, как сказал Буза, но тот остановил его движением руки. Он сам сходил в кабинет, поговорил с Виктором, а потом дал команду Шнырю развязать Семеновну.

Поскольку в зоне все уже знали, что прокурор договорился с Бузой о переброске захватчиков и заложников в Каминск, напряжение и ожидание возможной ошибки со стороны захватчиков прекратились. Пост возле дверей санчасти был снят, и поэтому Семеновну у выхода на улицу никто не встретил. Она немного постояла на крыльце и спустилась по ступенькам вниз.

«А ведь зубы у меня не болят», – подумала она и опустилась на затоптанный сапогами осужденных снег: силы оставили ее...

– Теперь о заложниках, – сказал Внучек...

– Заложники-то нам зачем? – поинтересовался Узякин.

– Он правильно мыслит, – поддержал Внучека комбат, – как они себя ведут и поведут – будет зависеть тактика освобождения.

– Тактика, – скривился Узякин, – грамотные все...

– Парень – человек молодой, ему лет двадцать пять. Он начальник тарного цеха, поэтому его жизнь вне опасности.

– Почему ты так решил? – спросил Узякин комбата.

– Видишь ли, ты имеешь дело с преступниками на свободе, а мы за проволокой. Весь персонал в зоне для зэков делится на чистых ментов и тех, кто носит ментовскую форму, но их функций не выполняет – это мастера, начальники производств, врачи, библиотекари, учителя школ.

– Ну тогда и второй бабе ничего не грозит, – проронил Узякин.

– Дай бог, – ответил не верующий в Бога комбат, – для нее есть иная опасность.

– И эта опасность реальна, если они задумали нечто иное, чем выезд из одной зоны в другую, – поддержал комбата Внучек.

– Ну ты их переоцениваешь, – возразил Узякин, – это обычные зэки, а не представители спецслужб, гы-гы-гы...

– А ты их недооцениваешь, – вмешался комбат, ты посмотри, тут что-то не так, уж очень ловко они действуют, и все у них получается. Старую женщину отпустили, правильно: двух заложников им вполне хватит в дороге. Третий бы только помешал.

– Если они таким образом решили выбраться из колонии, то нам повезло. Но если они, а их поведение это подтверждает, выбравшись из колонии, выдвинут новые требования... Потребуют машину и попытаются оторваться от погони вместе с заложниками, вдруг их сообщники ждут, – сказал Внучек.

– Ну размышлялись, фантазеры, – произнес Узякин.

– Все это надо иметь в виду и быть готовым к любым поворотам, – сказал комбат, – аппетит приходит во время еды. Они, даже прибыв сюда, могут заявить, что берут заложников в камеру. Они понимают, пока заложники у них в руках – они хозяева положения – тузы, а мы – шестерки.

– Да ладно вам, пессимисты, – сказал Узякин, – о тех, кто приедет к нам, мы уже знаем, теперь посмотрим, чем сами располагаем, посчитаем силы и средства, а также осмотрим плацдарм, на котором проводить боевые действия.

Буза смотрел на автозак долго, словно был экстрасенсом и пытался проникнуть в его внутренности, в которых могла прятаться их смерть.

Вокруг машины не было ни души, но это не вызывало чувства успокоения, скорее наоборот: автозак с открытыми дверями напоминал Бузе мышеловку.

Буза вел наблюдение из другого помещения – процедурного кабинета. Хряк был в кабинете начальника с заложниками, а Шнырь стоял сзади, готовый выполнить любое указание Бузы.

– Выверни карманы, – неожиданно потребовал Буза.

Глаза Шныря метнулись в разные стороны. Но тем не менее он вывернул оба кармана робы и положил на подоконник несколько стандартов теофедрина, «конфискованных» им у Валентины.

Буза сгреб их одной рукой и выбросил в форточку. Сделал он это так же ловко, как сбрасывал в отбой лишние карты, и даже опытный в этих делах Шнырь не заметил, как он прижал мизинцем к ладони один стандарт лекарства.

– Выберемся отсюда, – сказал он Шнырю назидательно, – все иметь будем, споткнемся, нас в капусту покрошат. А сейчас крой к машине, проверь все.

В окно было видно, как Шнырь появился на плацу, подошел к машине, с опасной заглянул внутрь будки, так, наверное, смотрит в пасть льва начинающий дрессировщик, потом он запрыгнул внутрь, осмотрел будку, заглянул под лавки, в два боксика, в которых обычно возят лиц, нуждающихся в изоляции от других осужденных, затем выпрыгнул на землю и уже с большей уверенностью и даже некоторой беспшашностью глянул под будку и в кабину.

Проделав все это, он заложил в рот два пальца и по-разбойничьи свистнул, хотя этого можно было и не делать. Буза внимательно наблюдал за ним из окна.

Буза вошел в кабинет начальника санчасти, где на скамейке сидели Виктор и Валентина, а перед ними стоял Хряк с двумя заточками в руках. Буза снял с Виктора наручники и сказал:

– Сейчас я с дамой пойду в машину, а ты останешься здесь, когда мы скроемся в будке, пойдете вы. Чем быстрее мы отсюда уедем, тем быстрее вы попадете к себе домой. Нам вашей крови не надо, но и... об этом мы уже говорили. Одевайтесь теплее...

Буза лично проследил, чтобы Валентина надела все теплое, что было у нее в кабинете, сказал: «Идем», причем произнес это слово настолько непринужденно, что у всех присутствующих в кабинете на душе стало чуть спокойнее.

У выхода на улицу Буза попросил у Валентины прощения, левой рукой обхватил ей шею, а правой демонстративно приставил заточку к сонной артерии.

– Начальники, – заорал он, – без дураков, я иду.

Когда он был уже на середине пути, из-за дощатого забора, где складировалась и ремонтировалась старая «мебель» жилой зоны, раздался голос:

– Бежишь, Буза?

Но Буза и ухом не повел: не пристало человеку, занимающемуся столь серьезным делом, отвлекаться на такие мелочи.

Шнырь подал Валентине руку, и все трое скрылись в будке.

Настала очередь Хряка.

Он так же, как и Буза, обхватил голову Виктора одной рукой, другой приставил заточку к горлу и двигал заложника впереди себя, как катер двигает впереди себя баржу, разница между ним и Бузой была в том, что делал он это все не так элегантно и плотно прижимал свою голову к голове Виктора, прикрываясь от воображаемого снайпера.

Шнырь так же, как и Валентине, помог Виктору забраться в будку, Хряк влез туда сам, дверь закрылась, и тут же в окно будки показалась голова Бузы.

– Начальник, – заорал он, – разговор есть.

К машине подошел ДПНК, но Буза не стал с ним говорить и дождался начальника колонии. Буза потребовал: принести жратвы в дорогу, часы – непонятно для чего, ведро – для возможных естественных надобностей женщины, три телогрейки, чтобы не так трясло.

ДПНК принес все перечисленное, а начальник попытался еще раз поговорить с Бузой:

– Арбузов, ты своего добился, не стоит испытывать судьбу, отпусти их и езжайте на здоровье.

– Э, нет, начальник, – ответил Буза, – только я их отпущу, мое путешествие тут же закончится, а я этого не хочу.

– Да брось ты, – говорил начальник, придавая своему голосу если не отеческий оттенок, то дружеский, коим говорят после того, как сделают глоток чая из одной кружки, – кому вы нужны сейчас, вон и прокурор говорит, что вам лучше будет, если вы ребят отпустите.

– Все, начальник, закончили, – оборвал Буза, – мне будет лучше, если они будут при мне. И не пудрите мне мозги, я вас, как рентген, насквозь вижу.

Начальник отошел от машины, удивляясь интуитивной прозорливости Бузы, потому что буквально в то время, когда Буза и Хряк перемещались с заложниками в автозак, в колонию прибыла группа захвата, которой командовал двухметровый капитан из Н-ска, а с ними приехал генерал-майор внутренних войск Маров, хотя сам Маров считал наоборот: это он прибыл в тараканинскую колонию, а уж с ним приехала группа захвата.

Маров и капитан были недовольны тем, что начальник колонии не дождался их и дал возможность захватчикам спрятать заложников в машину, а саму машину выставить так, как было удобно одним захватчикам: посредине плаца.

– Ну ты... додумался, – распекал Маров начальника колонии в присутствии и младших по званию, и подчиненных, – хреновей ты ничего не мог придумать.

Начальник стоял перед генералом красный как рак и время от времени говорил:

– Виноват, тащ генерал, виноват...

Начальник мысленно рвал волосы на голове, и не только потому, что ему был неприятен начальственный разнос. Он мог бы затянуть предоставление автомобиля, и заложников освободили бы в его колонии. А теперь было ясно, что упущен удобный случай и все другие по закону подлости будут неудачны, и начальник был уже согласен с тем, чтобы освобождение заложников произошло не у него в колонии, потому что теперь ничего хорошего ждать не приходилось.

Генерал продолжал выходить из себя. Ему не хотелось ехать по мерзлой и кочковатой дороге полтора-два километра, да потом еще разбираться с захватчиками в Каминске, тогда как это можно было сделать сейчас и уже к вечеру улететь в Н-ск.

Капитан тоже был недоволен. Он считал и себя, и своих ребят специалистами по рискованным операциям, и его не прельщала роль конвойных, которая отводилась его подразделению в случае отъезда.

Прибежавший ДПНК, неумело козырнув, стал докладывать начальнику колонии, что Буза требует его.

Генерал, для которого подобное нарушение субординации было серпом по горлу, взъярился, поставил ДПНК по стойке «смирно» и стал воспитывать, суть «воспитания» сводилась к тому, что ДПНК в свои сорок с лишним лет не научился отличать подполковника от генерала и не знает, что прежде чем обратиться к подполковнику, нужно испросить об этом разрешения старшего по званию.

ДПНК стоял перед генералом не менее красный, чем его начальник. И так продолжалось бы долго, не вмешайся прокурор.

– Что там у вас, – перебил он «беседу», поскольку был человеком гражданским и генералу не подчинялся.

– Буза, тьфу, Арбузов требует начальника колонии.

– Что? – взбеленился генерал, услышав это. – Требуется... да я ему.

– Семен Владимирович, – произнес прокурор, – давайте выслушаем...

– Арбузов сказал, чтобы пришел начальник колонии и что ему не нравится задержка.

Возникла пауза. Начальник обратился к генералу с разрешением выйти.

– Иди уж, – махнул рукой генерал.

– В чем дело, начальник, – спросил Буза хозяина, когда тот подошел к машине, – почему стоим?

– Арбузов, – ответил начальник укоризненно, – это у вас все просто, пришли, сели и давай ехай, а у нас конвой не готов.

– Валерий Александрович, – послышался голос из глубины будки, – надо ехать, Валентине плохо.

– Валя! – спросил начальник. – Как ты?

– Ничего, ничего, – ответила Валентина.

– Холодно ей, – вмешался Шнырь.

– Я сейчас, Валя, сейчас, – заторопился начальник, – что-нибудь тепленькое принесу... Миша, Миша, принеси одеяло для Валентины.

– Да, еще вот что, – добавил Буза, после того как ДПНК принес и сунул в окно будки автозака одеяло, – не нравятся мне эти задержки, и ты знай... остановится зак в шлюзе или на стену «случайно» налетит, завалим обоих, на тебе кровь их будет.

Начальник, сердцем чуя неладное, помчался в административный корпус, там, в его кабинете, завершалось короткое совещание, в котором участвовали Маров, прокурор и капитан – командир группы захвата.

– Возьмем их в шлюзе, – сказал Маров начальнику колонии, когда тот вошел в кабинет, – машина резко остановится напротив дверей от вахты, они потеряют равновесие и ребята успеют ворваться в будку.

– Они закрыли дверь на палку, – сообщил начальник и, нарушая субординацию, опустился на стул, – Буза предупредил, что они будут готовиться к остановке машины в шлюзе, если остановка будет – они убьют заложников.

– Блефуют, – ответил Маров.

– Нет, в таком случае так нельзя, – вмешался прокурор, – тут, будь ребята молниями, они все равно опоздают. Уж лучше это сделать в пути или вообще не делать, если они по дороге не потребуют еще чего-нибудь.

– Ну черт с вами, – сказал генерал, – едем, но в поле это сделать будет еще труднее, а-а...

Гора упала с плеч начальника колонии: все же не у него кровь прольется.

Буза сдержал свое слово, Шнырь и Хряк держали заточки рядом с головами заложников, пока автомобиль не выехал за ворота колонии. Затем Валентину и Виктора заперли в «изоляционных» боксиках-стаканах, а сами уселись в будке. Буза посмотрел на часы и впервые за весь день удовлетворенно ухмыльнулся.

– Так чем мы располагаем?

– Пяток прапорщиков я могу выделить, – пообещал Михалыч.

– Плюс десяток моих ребят из горотдела, – подхватил Узякин, – желательно помоложе.

– Желательно побледнее, – съязвил Собинов, в который раз удивляя присутствующих, считавших его служакой, который двух слов связать не может и заставляет всех ходить строем.

– Почему побледнее, – не понял Узякин.

– Потому, что с такими румяными рожам они на эков не похожи, – пояснил Собинов ехидно.

– Ох, остряк, – сказал старший оперативный начальник, – а что ты дашь в общий котел и на общее дело.

– Снайперов дам, – проговорил комбат, – снайперов у меня двое... и две винтовки.

– Две? – переспросил Узякин.

– Две, – подтвердил комбат.

– А почему две? Нам надо три.

– По штату положено две, – невозмутимо ответил комбат.

– Да, конечно, – не преминул поддеть его Узякин, – по штату положено двое захватчиков, а их – трое...

– Что же делать, – спросил Внучек, – позвонить соседям?

– Не надо соседям, – сказал Узякин, – найдется у меня и снайпер, и винтовка, в хорошем хозяйстве все есть. Михалыч, давай твоих на инструктаж, а я своим позвоню.

Михалыч ушел, а Узякин стал звонить в отдел.

Через некоторое время Михалыч вновь появился в кабинете с грудой телогреек, все принесенное он сложил в углу.

– На какой свалке ты их подобрал? – спросил ехида Узякин.

– Почему на свалке... не на свалке, но у меня нет других...

– Ах нет других, а ты подумал, что их сразу расшифруют: во-первых, рвань, в котором порядочный эк не ходит, во-вторых – сытые физиономии...

– Что я могу сделать с физиономиями, – прикинулся дурачком Михалыч.

– С физиономиями – ничего, с физиономиями я разберусь, скажу, что они у меня по выговору получают, и физиономии у них станут, что у твоих подследственных, понял? А ты давай другое одеяние.

– Да нет у меня другого.

– Есть, есть, и ты не думай, что это игрушки, если захватчики сообразят, что вокруг не эки, а переодетые менты и с перепугу убьют заложников, где ты будешь потом? Тогда тебе не только подпола¹⁰ не видать, но и с должностью придется расстаться, – давил на больное место Михалыча Узякин, – а то и вообще стать клиентом той гостиницы, в которой ты сейчас заведующий.

Так они препирались, пока в кабинете не появился кадровик из горотдела милиции. Он был в гражданке.

– Сколько – спросил Узякин.

– Десять, со мной.

Узякин оглядел всех. Взгляд его говорил: видите, у нас все в порядке, сказал я, что будет десять, значит, будет десять.

Михалыч, увидев, что его телогреек не хватит на всех, увел резерв в другое место, а потом вернул для осмотра старшим оперативным начальником.

Узякин, как старшина на утреннем осмотре, обошел строй из десяти переодетых в телогрейки и робы милиционеров, велел убрать волосы под шапки, а тем, которые не смогли этого сделать, приказал спустить клапаны.

После осмотра стали думать, чем вооружить эту банду в тюремных телогрейках без воротников.

Штатное оружие не годилось: драться, скорее всего, придется в тюремных переходах, а там вокруг бетонные стены, и возможен рикошет – своих же и перестреляешь. Вооружать

¹⁰ Подпол (сленг) – подполковник.

сотрудников резиновыми палками было вообще несерьезно. Обстановка была боевая, и оружие должно быть боевым.

Узякин и комбат посоветовались и отправили кадровика в соседнее СМУ; через полчаса тот вернулся с десятком нарезанных сваркой арматурных прутьев средней толщины.

Узякин взял один из них в руки.

– Арматура – оружие милиционера, как булыжник – пролетариата, – сказал он и дал команду разобрать прутья.

Дальше стали разбирать возможные варианты освобождения заложников. Их было три. Первый предусматривал случай, когда «гости» въедут в изолятор, но отдать заложников откажутся, захотят забрать их в камеру. Для этого случая разработаны два подварианта: возле машины во дворе и в переходе, в районе прогулочных дворики, там было много дверей и можно было разместить всю группу за ними.

Второй вариант заключался в предоставлении «гостям» машины с сюрпризом, если они потребуют другой автомобиль.

Третий вариант предусматривал освобождение в машине, это был самый опасный для жизни заложников вариант. Для того чтобы выбить дверь в автозаке, было решено бросить в «предбанник» машины гранату и, после того как наступит шок у захватчиков, освободить заложников, все понимали, что этот вариант – самый дурной, и все, будучи атеистами, в душе просили Бога не допустить его.

Был предложен и четвертый вариант, но он был с ходу отвергнут Узякиным и Собиновым. Вариант этот предлагал отработать Внучек на случай подключения к захватчикам их сообщников с воли и «перерастанию захвата заложников в побег». Милицейская часть «тройки» высмеяла его, как «не могущий иметь место быть».

Буза кивнул Шнырю, и тот выглянул из окошка насколько позволяла решетка.

– Сколько?

– Три, – ответил Шнырь, – впереди машина с мигалкой, сзади «волжанка» и автобус с солдатами.

– Так и должно быть, – сказал Буза.

– Где они нас будут ждать? – спросил Хряк.

Буза ничего не ответил и снова кивнул Шнырю посмотреть заложников.

Шнырь вышел в предбанник, умело, будто всю жизнь работал дубаком¹¹, открыл оба боксика заточкой, проверил заложников и вернулся в будку.

Машину сильно качало на кочках.

– Где? – снова спросил Хряк.

– В одном месте, – ответил Буза, – возле железной дороги...

– Чтобы по железке уйти...

– Мекай балдой, – усмехнулся Буза, – чтобы подумали так.

– А как же конвой? – шмыгнул носом Шнырь. Будка не отапливалась, и он простыл.

– Ему будет не до нас... Парняги мои все сделают, – сказал Буза, – а мы сядем в «жигуль» кофейного цвета и рванем в обратную от железки сторону.

– Так где? – еще раз спросил Хряк, словно сомневаясь, что такое может произойти.

– Дорогу будем переезжать несколько раз, и каждый раз нужно дать ребятам сигнал, показывать в окно белую марочку¹², но так, чтобы ее не было видно ментам.

Буза вытащил из кармана платок, и хотя белым его назвать было никак нельзя, никто ему не возразил.

¹¹ Дубак (жарг.) – надзиратель в следственном изоляторе.

¹² Марочка (жарг.) – носовой платок.

Немного подумав, он сунул платок Хряку.

– Я скажу когда... Будь готов.

– Всегда готов, – осклабился Хряк.

Хряк вылез в предбанник и сел на место конвойного. Десятки раз ездил он в автозаках, но на таком месте сидел впервые.

Он зыркнул свинными глазками по отверстиям боксиков и посмотрел в зарешеченное окно. Голое поле с редкими колками вдалеке тянулось вдоль дороги. Как можно незаметно устроить здесь засаду? Даже Хряк понимал это. Конвойные не дураки, сразу сообразят что к чему и изрешетят из автоматов и тех, и других. Тем более что это не срочники из роты охраны, которые за изготовление резинового штампа в военный билет для подтверждения выдачи воинских значков таскали на зону водку и чай. Эти ухорезы даже «Стой! Стрелять буду!» не крикнут.

Хряк вспомнил труп побегушника между двумя рядами колючей проволоки. Кто-то из кавказцев, отбывавших срок, узнал, что на вышке земляк, полез на проволоку и стал кричать:

– Не стреляй, я к мама пошел...

Земляк выпустил в него полмагазина...

Хряка передернуло не то от холода, не то от неприятного предчувствия, уж лучше бы ничего не произошло и парняги Бузы не успели.

Некоторое время Хряк тупо смотрел на однообразный зимний пейзаж. Ни одной мысли не возникло в его голове, которую в зоне называли калганом. Калганом своим Хряк пользовался так же умело, как и кулаками, не подозревая, наверное, что он может служить другим целям.

Начало смеркаться. От окна дуло, Хряк стал замерзать и почувствовал себя оскорбленным: его, первого гладиатора зоны, поставили на стрему, хотя он понимал: Шнырь нужен Бузе, чтобы приготовить чифир. Но все же Хряк не шестерка, чтобы мерзнуть перед окном, ведь это он – Хряк – захватил заложников, был в этом деле ударной силой. Хряк напрочь забыл, что он только выполнил то, что задумал Буза, а поскольку он это забыл, ему – человеку с бицепсами тридцатилетнего мужика, а умом пятнадцатилетнего правонарушителя – продолжало казаться, что его незаслуженно забыли, что это он организовал захват, он сообщил на волю время захвата и примерную дорогу, это он рассчитал, что их повезут в Каминск, поскольку другого изолятора поблизости не было, это у него воровская кровь во втором поколении, это его подставили лихие ребята Чубатого, и он был вынужден сесть в ШИЗО. Но он все правильно рассчитал, вырвался из колонии, и теперь сам черт ему не брат...

– Хряк, – раздался голос Бузы.

Хряк просунулся в дверь будки, там было чуть теплее. Буза был чем-то недоволен, а Шнырь был подвижнее обычного, так выглядит провинившийся школьник, не оправдавший надежд учителя. Он не смог при такой качке сварить чифир. Все искусство Шныря заваривать чай в камерах оказалось непригодным для заварки чая в движущемся автозаке.

– Чая не будет, – сказал Буза, – погреемся по-другому.

Он вытащил из кармана заначенный стандарт теофедрина, разломил пополам и протянул Шнырю и Хряку.

Из горотдела милиции прибыл старший лейтенант с винтовкой. Он уселся в коридоре на кожаном диване и презрительно смотрел на своих коллег, переодетых в черные робы и телогрейки. Возле него в самодельном чехле стояла снайперская винтовка, рядом с которой он был похож на охотника, приехавшего на сафари. «Ему бы пробковый шлем и шорты», – подумал Внучек, проходя мимо. Он ненавидел чванство от кого бы оно ни исходило, от коллег по работе или осужденных следственного изолятора.

Первый вариант освобождения заложников должен был начаться с одновременными выстрелами трех снайперов. Для того чтобы «гости» сразу попали в поле зрения всех трех стрелков, отгородили маленький участок двора, куда, как в ловушку, должна была въехать машина.

Осталось пристрелять винтовки.

– А где твои бойцы? – спросил комбата Узякин.

– А что им здесь делать сейчас, машина приедет не раньше, чем через два-три часа...

– И ты решил их привезти за пятнадцать минут...

– Не за пятнадцать, а за тридцать, что им делать здесь раньше, анекдоты твоих орлов слушать...

– Ну ты даешь...

– Понимаешь, это срочники, если их привезти сейчас, то у них ужин накроется.

– Их нужно привезти сейчас, – сказал Внучек, – Михалыч их накормит, а если они приедут за пятнадцать минут, все может сорваться, тем более они не профессионалы...

– Да какая разница, – вяло отбивался комбат.

– Нет-нет, – забеспокоился Внучек, – нужно везти сейчас, поставьте себя на их место. Вас привезли в изолятор, поставили у форточки и сказали: сейчас приедут плохие дяди и нужно выстрелить им в голову. Каково?

– А если их привезти сейчас, дяди станут не такими плохими?

– А он прав, – поддержал Внучека Узякин, – вот мы приехали сюда и никаких чувств к захватчикам не испытывали. А узнали о них все, попереживали вместе с заложниками и завелись, да так, что попадись эти ребята мне сейчас, я бы их собственными руками задавил. А ты, анекдотов наслушаешься... Ну и наслушаются, но вместе с анекдотами они пропитаются здесь ненавистью к захватчикам. Ты думаешь, легко, просто так, выстрелить в человека? Я на своих орлов смотрю – приехали сюда, хихикали, а побыли здесь, и захватчики – их кровные враги. Иначе и быть не может, потому что все реально представляют себя на месте заложников, а когда дело касается тебя, а не чужого дяди, когда ты чувствуешь заточку у собственного горла, ты в отца родного выстрелишь. Поэтому прения заканчиваем, ребят надо привезти сейчас, Михалыч их покормит, не останутся они без ужина.

Комбат отправил свою машину в батальон, а вся троица решила проверить, насколько удобно стрелять из окон во двор изолятора.

Присланный Михалычем столяр расстеклил три шибки в указанных ему Узякиным окнах к неудовольствию переодетого резерва: в коридоре возник жуткий сквозняк.

– И что заложников не захватывают в июле, – сказал какой-то остряк из резерва, и все засмеялись, хотя точнее этот смех можно было назвать ржанием. Впрочем, как должны смеяться десять мужиков, которым через час-другой придется арматурными прутьями отбивать заложников?

От этого смеха Внучек почувствовал себя тоскливо, все происходило совсем не так, как когда-то он предполагал, разбирая аналогичные ситуации на учебных занятиях, все было буднично и настолько примитивно, что невольно казалось – с таким примитивизмом нельзя сделать ничего хорошего и благородного, нельзя освободить людей, жизни которых угрожает опасность. Хотя человеку, наверное, свойственно облагораживать свои поступки. А истина в том, что судьба не делит людей на плохих и хороших, и через какое-то время и те, что захватили заложников, и те, что будут их освобождать, могут оказаться на грязном тюремном полу либо с заточкой в горле, либо с проломленным арматурой черепом.

Все это было навеяно на Внучека идиотской шуткой о том, что заложников теплее освобождать в июле, а потом вновь началась рутина примерок, прикидок, тренировок вперемежку с руганью Узякина, который упивался своим начальственным положением.

Прибыли, наконец, ребята Собинова.

– Попадешь в коробок, – спросил Узякин одного из них, черноволосого и до синевы выбритого парня, – на десять метров с оптикой?

– Нэт, – ответил тот коротко.

– Ну вот, – повернулся к Собинову Узякин, – а ты говоришь снайпера...

– На дэсат, – сказал солдат, – я без прицела стреляй...

Собинов усмехнулся дилетантству старшего оперативного начальника, не знавшего, что до ста метров оптическим прицелом пользоваться бессмысленно. Узякин же недовольно взглянул на своего снайпера-сафариста: не мог подсказать, кретин.

Выбросили во двор коробок спичек. Он упал на притоптанный снег и тут же подпрыгнул: пуля из винтовки черноволосого пробила его и подбросила в воздух, выстрел второго собиновского снайпера разорвал коробок пополам, после этого на тюремную сцену вышел Узякинский сафарист и промахнулся в остатки коробка. Узякин бросил на него гневный взгляд, буркнул: «Тренируйся», и пошел в кабинет начальника изолятора. За ним, как нитка за иголкой, потянулись Собинов, Внучек и Михалыч.

Зазвонил телефон, Узякин снял трубку, послушал и, выругавшись, выбежал из кабинета, бросив на ходу:

– Стрелок... твою мать, в человека попал.

За ним побежал Михалыч.

Позже выяснилось, что сафарист продолжал пристрелку из окна второго этажа, а чтобы под пули не попал кто-нибудь из сотрудников, поставил в дверях, выходящих во дворик, прапорщика, которого черт дернул эти двери приоткрыть, чтобы посмотреть, как стреляет снайпер.

Очередная пуля срикошетила от вмерзшего в землю камня и попала в дверной косяк, отщипив от него кусочек дерева, который вонзился прапорщику в щеку. От неожиданности он вскрикнул и упал. Видевший все это из своего окна ДПНСИ тут же сообщил, что снайпер убил человека.

Вернувшиеся Узякин и Михалыч долго переругивались, пока их не прервал новый телефонный звонок. Узякин, как и пятнадцать минут назад, взял трубку. Коллега старшего оперативного начальника сообщал, что «гости» и эскорт приближаются к Каминску.

Хряк забалдел больше Шныря, хотя оба приняли таблеток поровну. Буза вмазаться не пожелал.

Теофедрин разбудил в Хряке энергию, которая всегда дремала в нем до поры до времени, а разбуженная водкой, наркотиками или чьим-то косым взглядом вырывалась наружу, сокрушая вокруг все, что попадалось под руку.

– Слушай, Буза, – сказал он без той доли уважения, с какой обычно говорил с Арбузовым, – все равно мы отсюда вырвемся. Давай бабу отоварим, не пропадать же добру, – и он ухмыльнулся, по его мнению, плотоядно.

– Точно, – поддержал его Шнырь, которого таблетки распалили так, что он был готов сразиться даже с Хряком.

– Заткнулись оба, – произнес спокойно Буза, и в этом спокойствии была та уверенность в себе, в устойчивости своего положения, что Шнырь мгновенно вспомнил свое место и перебрался с лавки, на которой сидел Хряк, на лавку Бузы.

– Мы не парчуги, – продолжал Буза тихо, объединяя этим себя и своих подельников в одно целое.

Напоминание о том, что присутствующие не парчуги, отчасти сняло напряжение, возникшее между Хряком и Бузой. Но бес все еще прочно сидел в нем и подталкивал на подвиги.

– Ну а по согласию? – спросил Хряк, как всякий дебил уверенный в своей неотразимости для женщин и недоумевавший, почему они вообще не бросаются ему на шею прямо на улицах.

Хряк поставил Бузу в трудное положение. Однако немного помедлив, он сказал:

– По согласию можно...

Вся компания уже не дежурила в предбаннике, и если бы сопровождающие вели системное наблюдение за ними, то освободить заложников в этот момент не составило бы труда. Но генерал в машине и капитан со своими ребятами в автобусе были далеко, да и видеть на расстоянии и через обшивку автозака они не могли.

Хряк вышел в предбанник и, качаясь, стал напротив боксика, в котором была Валентина.

– С-слушай, подруга, это... – тщетно искал он в своем мозгу слова, чтобы «обворожить» заложницу.

– Отойди от бокса, – сказал ему Виктор.

Но Хряк сделал вид, что не слышал его.

– Валюха, – нашел наконец первое слово Хряк.

– Уйди отсюда, – преодолевая страх, повторил Виктор.

– Валюха, бля буду, я тебя люблю.

На очередном ухабе машину качнуло сильнее обычного, и Хряк, чтобы удержаться на ногах, ухватился рукой за окошко боксика, а потом стал заточкой открывать замок.

Качка не позволяла ему это сделать, и он начал заводиться.

– Уйди от бокса, – заорал Виктор, надеясь, что это будет слышно в кабине.

На этот раз заведенный Хряк услышал его.

– Ах, ты, козел, – взревел он, – да я тебя...

По закону подлости он почти сразу попал концом заточки в отверстие замка боксика Виктора. Но в это время кто-то ударил его сзади, и Хряк опустился на пол будки. Шнырь вытащил из рук Хряка заточку и принялся тащить Хряка обратно в будку, но тот был слишком тяжел, и непонятно откуда появившийся Буза не побрезговал помочь Шнырю.

Хряк лежал на полу будки, а над ним стояли Буза и Шнырь.

– Переверни его, – попросил Буза.

Шнырь наклонился над Хряком, но сделать ничего не успел. Машина наклонилась сильнее обычного, и Шнырь с Бузой полетели к задней стенке, не сообразив сначала, что это могло быть. Через секунду машина выпрямилась, ее тряхнуло раз, другой, третий...

– Марочку, – заорал Буза. Шнырь, мгновенно сообразивший все, стал шарить по карманам Хряка, отыскивая платок. Платка не было. Машина спустилась с насыпи железнодорожного переезда и поехала дальше.

Буза рванулся в предбанник, выглянул в окно, потом длинно выругался и ушел в будку, где Хряк уже пришел в себя и сидел на полу, трясая головой.

Виктор тронул дверь боксика, она была открыта, а не распахнулась только потому, что ее чуть клинило в проеме. Можно было попытаться толкнуть ее коленом, выйти в предбанник, выбить штакетину, закрывающую дверь будки, и выпрыгнуть из машины: скорость была небольшой...

Ворохнувшееся в соседнем боксике тело остановило его.

– Как ты? – спросил он.

– Все хорошо, – ответила Валентина.

– Держись, скоро все кончится, они ничего тебе не сделают, Буза дал слово.

– Да-да, – ответила она, – ты им ничего не говори, не зли их, молчи, и все. Слышишь?

– Слышу...

Захватчиков не было видно.

«Идиоты, – подумал он, но не о захватчиках, – целый автобус солдат едет за автозаком, сейчас их можно без крови и особых усилий освободить, но где там. Сотруднички... А что будет, когда приедем в Каминск?»

Он потоптался на месте, разминая затекшие ноги. «Да, думал ли он, что когда-то придется ему ехать в автозаке в качестве заложника. Вот пришлось... Жил себе Витя, жил, в школе учился, в институте, женился – все, как у людей, и вдруг попал в колонию...»

Он вспомнил первые дни в зоне: серость, грязь, вечный мат, без которого не обходятся ни осужденные, ни сотрудники, вспомнил попытки прощупать его и со стороны коллег, и со стороны осужденных. Кто ты? Что собой представляешь? Что с тебя можно взять? Не опасен ли?

Он работал как вол, но работа не приносила ему морального удовлетворения, а дом тестя – душевного покоя и отдыха. И он стал все чаще участвовать в пьянках с сотрудниками колонии, сначала по поводу, а потом и без повода, только для того, чтобы снять стресс и забыть о своей собачьей жизни. На одной из таких вечеринок он познакомился с ней... Потом проводил ее до калитки, потом до порога, потом у нее задержался...

С той поры у него начался вполне осмысленный период жизни. Все у него получалось на работе, а дома даже теща не могла нахвалиться на него.

В его жизни, до этого пресной и серой, вдруг появился смысл и тайна. И хранил он эту тайну лучше, чем служебные секреты. Он был осторожен и даже в мыслях не называл ее по имени. Проговорись он случайно, и ее моментально бы вычислили внимательные женщины поселка, а если бы такое произошло, то ей, конечно, не стало бы жизни в Тараканино.

Однако все в жизни имеет начало, пик и конец. И хотя конец еще не наступил, но охлаждение уже коснулось его крылом равнодушия.

Все, что когда-то так умиляло его и волновало, и бархатный грудной голос, и упругие губы, и запах духов «Быть может», сохранившихся у нее каким-то чудом с застойных времен, стали ему неприятны. Уже встречи и прощания по вечерам стали мучениями, а расставания облегчением, уже он стал намекать ей, что им надо расстаться. Но она не понимала этого. Она словно потеряла женскую способность чувствовать сердцем.

Она продолжала строить планы их будущей жизни, говорила о том, где они будут жить, как обставят квартиру где-нибудь в другом месте, кто им поможет в этом...

А в последнее время она вдруг поняла, почему «он несчастлив с женой – жена не может ему родить ребенка, а она родит ему мальчика, и все будет хорошо, ты разведешься, и у нас будет все хорошо, мы уедем отсюда, и у нас будет все хорошо».

От этого «у нас будет все хорошо» его начинало трясти. Так долго продолжаться не могло. Он чувствовал, что вот-вот что-то должно случиться. Но произошло то, чего он никак не ожидал. Его взяли заложником, да еще и в компании с двумя женщинами, пока все идет нормально, но... Он второй год работал в колонии и знал, что обещания зэка – пустой звук, зэк держит слово только перед зэком, да и то, если они одной масти: вор перед вором, парняга – перед парнягой, а мужик – перед мужиком. Заложники не были для захватчиков «своими», в этом была главная беда, а значит, не стоит обольщаться. Но это знает он – Виктор, а не Валентина, ее он смог убедить в обратном. И то хорошо, может быть, пронесет...

Машину качнуло, она выехала на насыпь железнодорожного переезда, потом в предбанник выскочил Буза и выглянул в окно. Когда он вернулся в будку, Виктор услышал фразу, смысл которой не понял.

– Если они ждали нас здесь, я тебя на этом же месте положу, – сказал Буза кому-то...

Автозак въехал на территорию изолятора и, так как дорога ему была преграждена двумя тракторными санями, остановился. Водитель выключил мотор. Наступила тишина. Из будки автозака на землю прыгнул человек, одетый в телогрейку и зэковскую шапку. Он обошел машину, осмотрел площадку и сказал внутрь будки:

– Все нормально.

В будке послышалось движение, и тут из окна второго этажа вылетело и вдребезги разбилось о мерзлую землю стекло. Человек в телогрейке поднял голову, увидел торчащий из расстекленной шибки ствол винтовки и заорал:

– Назад...

Несколько сотрудников из двух дверей корпуса рванулись к машине.

– Три, четыре, пять секунд, – считал Внучек, глядя на часы.

– А-а, – махнул рукой Узякин, – долго, долго... За это время всех по три раза переколоть можно. Отставить, – заорал он в выбитую шибку и обратился к Михалычу: – Че дуешься, ну, разбили тебе стекло, ну, ничего не поделаешь: тяжело в учении, легко в бою. Все расходятся по своим местам... Не дай бог, придется освобождать в будке.

Телефонный звонок в кабинете прервал его рассуждения, Узякин вошел в кабинет.

– Идите сюда, – позвал он через некоторое время всех, кто находился в коридоре.

– Что, подъезжают? – спросил его Внучек.

– Хуже, – ответил Узякин, – Маров приехал. Он не стал дожидаться, пока весь эскорт доберется сюда, и примчался вперед. Ну, сейчас начнется...

– Давай позвоним в «скорую», – сказал Внучек, не вполне понимая, о чем беспокоится Узякин, – пусть пришлют бригаду на всякий случай.

– Звони, – ответил Узякин, – мне сейчас не до «скорой» будет и даже не до заложников. Знаешь, как зовут Марова за глаза? Муров, а это само за себя говорит...

Снова зазвонил телефон, дежурный по горотделу милиции сообщил, что в городе началась паника: прошел слух, что целый автобус эков сбежал из Тараканино и едет в Каминск, сметая все на своем пути.

– Откуда утечка? – спросил Узякин Михалыча.

– Отсюда, отсюда, – ответил он, пряча глаза.

– Итит твою, – выругался Узякин, – немедленно пошли оперов в корпус, не приведи господи, твои об этом узнают и бузить начнут при Марове.

– Да кто такой Маров? – спросил Внучек.

– У-у-у, – как волки в лунную ночь провыли представители МВД, – сейчас ты с ним познакомишься.

В коридоре послышался чей-то баритон, судя по тону, кто-то отчитывал зазевавшегося сотрудника изолятора. Потом двери отворились, и в кабинет вошли маленький коренастый генерал-майор и человек в дубленке.

Все присутствующие, не исключая Внучека, были, как ураганом, сметены со своих мест и вытянулись по стойке.

– Тащ генерал, – начал свой доклад старший оперативный начальник.

Но генерал прервал его:

– Что сделано? – спросил он.

– Разработан план...

При слове «план» генерала перекосило.

– Короче, – сказал он.

– Нами...

– Все ясно, ни хрена у вас нет. Через минуту здесь будет группа захвата. Мы загоним их в шлюз и, если они не сдадутся, возьмем их там...

Возникла длинная пауза. По молчанию коллег Внучек понял, что никто из них не возразит генералу, не скажет, что это самый неудобный вариант в Каминском изоляторе, значит, надо вмешаться ему.

– Мы отрабатывали этот вариант, – сказал Внучек, – он не самый лучший.

Генерал остановил его взглядом, который был красноречивей всех слов. «Кто такой? – говорил этот взгляд. – И какого хрена здесь делает?»

– Коллега из КГБ, – пояснил Узякин.

– А-а, – махнул рукой генерал, – разместите группу и дайте ей возможность экипироваться.

Генерал слов на ветер не бросал. Через минуту в кабинет вошли девять ребят во главе с капитаном и стали переодеваться. Они надевали пятнистые комбинезоны, бронежилеты, шнуровали ботинки, тут же пробуя, как они сидят на ногах, не скользят ли по полу. Манипуляции эти вызвали легкое содрогание на лице Михалыча, который болел за паркет в своих апартаментах. Ребята надели шлемы, защелкали затворами пистолетов и начали разминаться. Здоровые румяные лица парней, которым не было еще и двадцати, не выражали никакой злости по отношению к будущим противникам. Один из парней, самый рослый и худой, растягиваясь, махал в воздухе ногами выше своей головы, заставляя сердце Михалыча обливаться кровью, поскольку делал он это в преступной близости от сосулек низко висящей хрустальной люстры, гордости начальника изолятора.

– Писаренков, – проговорил высокому парню вернувшийся с рекогносцировки капитан, – готовь гранату.

И опять все взвыло протестом внутри Внучека, потому что вся их подготовка при всей ее примитивности и необеспеченности средствами предполагала меньшую вероятность смерти или причинения вреда заложникам. Маровский же вариант был прост, но не сулил заложникам ничего хорошего.

– За мной, – подал команду капитан, и группа потянулась за ним, а за группой вышли все остальные.

Внучек остался в кабинете один. Он позвонил в «скорую» и попросил прислать к СИЗО машину. В «скорой» долго спрашивали, что такое СИЗО? Внучек начал объяснять.

«А, – сказали там, – это в тюрьму, что ли? Пришлем, но сейчас машин нет, все на вызовах...»

Еле сдерживаясь, чтобы не выругаться, он по внутреннему позвонил ДПНСИ, попросил найти фельдшера и с сумкой послать его к шлюзу.

Сделав это, он, не одеваясь, пошел к лестнице, чтобы спуститься вниз.

В шлюзе руководил генерал. Он приказал наглухо закрыть внутреннюю дверь шлюза и настежь открыть наружную, хотя настежь вряд ли было приемлемо для огромных железных дверей, закрывающихся по типу дверной задвижки.

На улице уже стояла ночь, было тихо, только из частного сектора доносился лай собак да тархтение мотоцикла.

Внучек смотрел в закрытую дверь шлюза и думал: «И надо же было появиться здесь Марову. С его приездом у коллег все извилины в мозгу выпрямились, кроме одной, которая отвечает за щелканье каблуками. Ведь дураку понятно, что маровский вариант самый мало-приемлемый. Если взрыв не убьет заложников, а только покалечит, и то радости мало, а уж если получится так, что захватчики сгоряча зарежут их, то он вообще никуда не годится...»

Гул автозака раздался минут через пятнадцать, к этому времени Внучек совсем замерз и подумывал: не сбегать ли ему за пальто.

Все напрялись: сейчас все решится. Автозак с ходу въехал в шлюз, но водитель, не знавший генеральской задумки, остановился не посередине, а проехал впрыток ко вторым дверям.

«Первый прокол, – подумал Внучек, – от дверей до машины добрых десять метров, преодолеть их в два прыжка невозможно, значит, потеряна внезапность, а с потерей внезапности меньше шансов осуществить операцию...»

Осталось надеяться, что захватчики все-таки сдадутся.

В боковую дверь появились прокурор и генерал, сзади них как телохранитель шел вооруженный до зубов и напоминающий революционного матроса капитан.

– Арбузов, – усталым голосом сказал прокурор, – мы привезли вас в изолятор, мы выполнили ваши требования, выходите.

– Нет, начальник, – крикнул из глубины будки Арбузов, – мы так не договаривались. Вы заперли нас в шлюзе и блатуете. Я предупреждал, чтобы машина в шлюзе не останавливалась, даю две минуты, чтобы вывести машину обратно.

– Хорошо, – ответил прокурор.

Генерал молча взял его за плечо и стал тихо отводить назад, чтобы освободить проход для группы захвата...

«Все, – одновременно подумали все члены “тройки”, – это конец». А Узякин шепотом выругался.

Тихо открылась боковая дверь, в которой показался Писаренков с гранатой в руках. Кольцо он выдернул еще за дверьми.

Писаренков уже подкрадывался к машине, как вдруг из окна будки вылетела и звякнула о бетонный пол заточка, потом еще две...

– Все, начальники, – крикнул Буза, – сморили вы нас, сдаемся...

И тут послышалось ругательство капитана и крик:

– Гранату, гранату...

На счастье, кольцо все еще оставалось в руках Писаренкова. Чеку вставили в отверстие, запал вывинтили.

Первым из машины выпрыгнул Шнырь, потом Хряк и последним спустился Буза. Бойцы из группы захвата обыскали их в три секунды и передали «ребятам» Михалыча.

А в это время в проеме двери будки автозака появились парень в короткой шинели и молодая женщина в пальто и берете.

У них все было на месте: руки, ноги, головы. Все облегченно вздохнули, «все хорошо, все нормально», потому что никому и в голову не пришло взвесить их душевные страдания, да кто у нас вообще их взвешивает и учитывает...

Все вокруг стало бестолковым и шумным, как бывает, когда неожиданно спадает нервное напряжение. Члены «тройки» кроме Внучека закрутились вокруг Марова и прокурора. Капитан обнаружил вдруг, что у него исчез зеленый патронный ящик со спецсредствами, и помчался с тремя своими ребятами его искать. Остальные члены группы захвата окружили Писаренкова, который, несмотря на свою флегматичность, разволновался и третий раз рассказывал, как он чуть не потерял кольцо.

Внучек проводил Виктора и Валентину в кабинет начальника изолятора и только было открыл рот, чтобы... Как дверь распахнулась, и в кабинет ввалилась вся группа захвата во главе с капитаном. Началось обратное переодевание.

Говорить о чем-либо в такой обстановке было невозможно.

– Ничего не нужно? – спросил Внучек бывших заложников.

Парень кивнул головой, поднялся и сказал Внучеку на ухо то, о чем опер сам должен был догадаться.

Показав Виктору и Валентине двери с литерами «М» и «Ж», вернулся в кабинет. Группа уже закончила переодевание и сидела на стульях, нещадно дымя сигаретами.

Не желая дышать сигаретным дымом, Федя вышел в коридор и опять столкнулся с парнем в короткой шинели.

– Не смогли бы вы помочь нам, – спросил Виктор, – у нас через двадцать минут электричка, а следующая будет вечером... поздно... Нам бы до вокзала добраться.

Внучек пожалел, что на этот раз он прибыл в изолятор не на машине.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – сказал он. – Послушай, гражданин начальник, – обратился Внучек к Узякину, – заложников нужно срочно до вокзала подвезти, у них последняя электричка уходит, дай машину.

– Не могу, – ответил Узякин, – сейчас генерала к поезду везти надо.

– До поезда еще целый час, а электричка уходит через... уже через пятнадцать минут... ты объясни генералу ситуацию...

– Ты иди и объясни, – сморщился Узякин, но все же пошел к генералу.

Вернулся он через минуту.

– Генерал сказал, чтобы машина никуда не уезжала, заложники тоже. Он скоро освободится и хочет с ними поговорить.

Маров действительно освободился через полчаса, сказал, что заложников завтра допросит следователь, сел с прокурором в Узякинскую машину и уехал на вокзал. В это время Внучек разыскал Михалыч:

– Иди, тебя шеф к телефону приглашает.

Шефа интересовали подробности «операции», чтобы передать их в управление.

Когда Внучек закончил разговор и вышел в коридор, там уже не было того шума и беспорядка. Привлеченные милиционеры разбежались, группа захвата уехала, куда-то исчезли заложники, и тюрьма опять стала серым и скучным местом, которое для веселья мало оборудовано.

В коридоре были одни члены «тройки» и Михалыч.

И то Михалыч задержался потому, что лично проверял размещение вновь прибывших.

– Не проследи, – говорил он, – так их в одну камеру поместят, с них станется...

Из всех четырех необычайно весел был лишь старший оперативный начальник, коим он опять стал после отъезда генерала. Веселость эта объяснялась тем, что генерал, при всей его жесткости, «отметил все-таки его положительную работу».

– Мужики, – сказал Узякин, – надо снять стресс, у меня жена во вторую смену работает, приглашаю к себе.

– Не могу, – засуетился Михалыч, – детишки внука подкинули, моя с ним за день намажется и вечером меня ждет, чтобы передать эстафету...

– Мне тоже домой надо, – произнес комбат.

– Ну раз домой, – ехидно усмехнулся Узякин.

– Подбросишь меня? – спросил Михалыч комбата.

– Если машина вернулась, – ответил тот, и они оба направились к выходу, за ними пошел и Внучек, но Узякин придержал его рукой. Когда двери за комбатом и Михалычем закрылись, Узякин воссоздал на своем лице ехидную усмешку и сказал, имея в виду Собинова.

– Домой ему надо, как бы не так, сейчас он к девицам поедет, а жене скажет, что на происшествии был. Он мне как-то говорил, что не может понять, почему жена его встречает спокойно, когда он в четыре утра с происшествия возвращается, но стоит ему в час от подружек заявиться – устраивает тарарам. Что с него взять, – военный, не опер, любой опер уже бы просчитал ситуацию и понял, что с происшествия он всегда приезжает на машине и жена слышит шум, хотя и отдаленный, а от подружек он возвращается пешком, гы-гы-гы...

Они вместе прошли каморку ДПНСИ, и тот выпустил их на улицу, не проверяя документы.

Перед входом в изолятор стояли две машины: узякинский «уазик» и «скорая помощь», видимо, только приехавшая. Из «скорой» выскочил медбрат – нагловатый парень в белом халате и с огромной черной шевелюрой, с которой шапку можно было не носить и зимой.

– Мы по вызову, – по-военному доложил он, обратившись к Узякину, – куда нам ехать?

– Давно приехали? – спросил его Узякин.

– Только что, – ответил медбрат.

– Тогда на хрен, – сказал ему Узякин, – с такой скоростью можно только туда...

Вокзал встретил их, как улица встречает чужаков, настороженно и враждебно.

Они прошли на второй этаж, нашли свободное место рядом с пьяным мужиком и его трезвой, как ни странно, супругой. Мужик время от времени засыпал и начинал храпеть, жена толкала его в бок, он просыпался и смотрел в зал ожидания пустыми глазами.

За весь этот страшный и одновременно суматошный день Виктор привык к положению человека, над которым завис нож гильотины. Нож мог сорваться вниз в любой момент, но не сорвался. Страшно ли ему было под ножом? Нет. Страх он не испытывал. С того момента, как Хряк ударил его в ухо головой, он словно оступел и почти не страдал от всего происходящего. Его даже не порадовало освобождение, и он искренне удивился, чему так радуются ребята в пятнистых комбинезонах, переодевавшиеся в одной из комнат изолятора в Каминске.

Отупение это не прошло даже сейчас, и то, что обычно задевает нормального человека, его абсолютно не трогало.

Его не беспокоили косые взгляды вокзальной шпаны, снующей в толпе по залу ожидания, ни пьяный сосед, который, засыпая, падал на него, ни взрывы дикого хохота какой-то пьяной компании мужчин и подростков, одетых почему-то в брезентовые куртки.

Однако через эту чувственную тупость медленно пробивались ростки рассудка, который говорил ему, что там, в автозаке, они с Валентиной были лучше защищены от возможной опасности, чем здесь.

Было уже десять вечера, когда они сели в электричку. Ездить в электричке в такое время да еще в форме работника МВД было опасно, но ночевать на вокзале по тем же причинам было еще опаснее...

В электричке было много народа, и они пошли искать свободные места. Вагон, где такие места были, они нашли быстро, но вскоре пожалели, что нашли... В вагоне было свободно потому, что шумная компания парней в брезентовых куртках выкурила всех и развлекалась там одна.

Надо было уходить, но уходить так, чтобы это не было похоже на бегство. Бегать от шкалов опасно. Он знал это: в колонии работал.

– Смотри, ментяра появился, – сказал один из парней, – у какой серьезный...

– И с бабой, – поддакнул второй.

– У них любовь, чуваки, – осклабился третий, и все заржали.

– Смотри, смотри, – произнес еще кто-то, – он обиделся, он сейчас даст нам по морде...

гы-гы-гы...

– А баба ничего, можно ее за угол отвести... ага... и по морде, и по морде...

– Чувак, ты все перепутал, это его по морде, а ее... гы-гы-гы.

– А можно наоборот...

Отупение начало проходить. Валентина потянула его из вагона.

– Пойдем, пойдем, – говорила она, – не обращай внимания... тяжелое детство, пьяные родители...

Но Виктор не дал увести себя совсем, в соседний вагон, не хотел, чтобы шпана подумала, что он убегает...

– Постоим в тамбуре, – предложил он.

– Витя...

– Постоим...

– Ментяра, у-у-у, – слышалось через закрытые двери.

– Не прячься, мент, – кричал кто-то из «брезентовых» парней, – мы тебя все равно достанем.

– Не обращай внимания на дураков, не заводись, – говорила ему Валентина, – ты же не злишься, когда тебя собаки облаивают, так и тут...

– Пойдем, – немного помедлив, сказала она.

– Нет, – ответил он, так как окончательно сбросил с себя состояние отупения и не хотел выглядеть в глазах других пассажиров трусом.

– Пойдем, Витя. Ты был молодцом, я даже тобой гордилась. Я поняла, что ты не захотел уйти из санчасти из-за меня. И я очень волновалась. А мне волноваться нельзя. Когда мы в машину сели, я загадала, если у нас все обойдется, то у нас все будет хорошо... так и получилось... теперь у нас все будет хорошо. Я тебе вчера хотела сказать – у нас будет ребенок. И все будет хорошо. – И она, взяв его за рукава шинели, припнула головой к ее отворотам.

И снова ощущение тупика, из которого нет выхода, овладело им. Он почувствовал себя человеком, выбравшимся из малой передрыги и тут же попавшим в передрыгу большую, выбраться без потерь из которой не было никакой возможности, потому что в жизни, как и в тюрьме, существует одна система «ниппель». Она дает возможность делать все в одном направлении и ничего не позволяет в обратном...

Узякин достал из серванта рюмки, порезал колбасу, вытащил из холодильника начатую банку соленых огурцов, сделал из варенья морс и, не найдя должной посуды, налил его в большую хрустальную вазу.

– Видела бы жена, – сказал он, – во что я морс наливаю, ее бы кондрашкахватила.

Внучек жил в Каминске три месяца, но уже знал, что ехидный начальник Каминской милиции и гроза всех правонарушителей побаивался своей жены. Как он совмещал твердость и деспотизм на службе с абсолютной подчиненностью дома, было непонятно. Хотя, что ходить далеко за примером...

После приготовлений на столе появилась запотевшая бутылка «Пшеничной», хозяин усадил гостя за стол, разлил водку в две большие стопки.

– Ну давай, – поднял он тост, – за благополучное завершение операции.

– Давай, – согласился Внучек и опрокинул стопку в рот.

– А говорили, что ты не пьешь? – удивился Узякин, закусив водку огурцом.

– Ну ты провокатор, – возмутился Внучек, – пригласил, угостил, а теперь...

– Да я так, – сказал Узякин, несколько не смутившись, – вот ты приехал к нам в город и ведешь себя, как тихушник, хотя все вы кагэбэшники – тихушники...

– Ну и что из этого вытекает?

– Да ничего... Вот приехал ты к нам, а знаешь ли ты, что за город Каминск?

– Город, как город...

– Э, брат, нет, Каминск – это центр России, понял? Я еще когда в школе учился, сидел раз на географии, измерил расстояние от западных границ до Каминска и от Каминска до восточных границ, и оказалось, что они одинаковы... Каминск – это сердце России, понял?

– Понял.

– Ну давай еще по одной, а потом поговорим...

Выпили.

– Слушай, давай Собинову позвоним, – предложил Узякин.

И хозяин, не ожидая ответа Внучека, стал набирать номер телефона.

– Так и есть, – сказал он, поговорив с женой комбата, – они на происшествии... гы-гы-гы... давай еще...

– Давай...

– Слушай, КГБ, – спросил Узякин, – куда мы катимся?

– Не знаю, – отрезал Внучек.

– А-а, темнила, в бардак мы катимся. Ты думаешь, расхлебали мы эту кашу, и все? Нет, это только первые ласточки, скоро на такие происшествия каждый день выезжать будем, понял?

– Угу...

– Ни хрена ты не понял, – сказал Узякин, – ты работал по диссидентам, а они люди культурные, заточек к глоткам не приставляют...

– Не работал я по диссидентам, – вскипел Внучек.

– Ну ладно, извини, – пошел на примирение Узякин, – давай еще по чуть-чуть.

Незаметно выпили бутылку, и хозяин тут же достал другую.

– Давай выпьем за тех, кого мы сегодня спасли, – напыщенно произнес Узякин.

– Спасли? – переспросил Внучек.

– Ну да, – ответил Узякин.

– Ну ты загнул, да если бы их не освободили захватчики, они были бы в морге.

– Ну уж в морге, – засомневался Узякин, – ты думаешь, у Марова это первые заложники?

– Судя по тому, как он организовал это дело, безусловно.

– Ну это ты зря, у нас в милиции, брат, дисциплина, не то, что у вас в КГБ – демократия, потому вы и развели всякую нечисть. Генерала тоже можно понять.

– Отстань ты со своим генералом.

– Нет, погоди, – не уступал Узякин, как будто генерал мог услышать и оценить его преданность, – его можно понять.

– А чего тут понимать, если с таких позиций подходить, то и Бузу понять можно...

– При чем тут Буза?

– А при том, что он тоже вроде как жертва обстоятельств. Генерал вынужден так поступить, а этот так.

– Ого, – удивился Узякин, – в этом что-то есть. Мы все заложники чего-то. Буза и его подельники – заложники воровских правил. Мы с тобой – заложники правил других.

– Ну да, а настоящие заложники вроде уже и не заложники, поэтому их и в расчет брать не стоит. Бросил гранату в будку и доложил рапортом, что в ходе операции заложники погибли.

– Ну а как бы ты освободил их другим способом, ты же видишь, что эта зараза для нас непривычна, мы к ней не готовы. У нас нет средств, как на Западе, чтобы можно оглушить или шокировать, нет людей, которые могли бы это сделать.

– Хватит, – отрезал Внучек, – так мы далеко зайдем, этого у нас нет, другого у нас нет, а мне кажется, что у нас нет чувства того, что мы отвечаем за людей. Генерал, ты, я деньги получаем за то, чтобы людей защищать, и должны делать все, чтобы было тип-топ, а мы не сделали такой малости, какую должны были сделать, не дали машины, чтобы они могли вовремя уехать. Вот что нас характеризует больше всего...

– А-а, – дались тебе эти заложники, да и заложники они были в будке, а когда их освободили, они стали обычными гражданами. Наше дело их освободить, а развозить по вокзалам не наше... не согласен?

– Не согласен.

– Ну и хрен с тобой, давай еще по одной.

– Не хочу...

– Как не хочешь? Ты что, не мужик?

– Мужик.

– Ну тогда давай.

– Не буду.

– Да ладно тебе, – сказал Узякин, – уже и обиделся, на обиженных воду возят. Ну давай помиримся и померяемся, кто победит, тот и прав будет.

Узякин, отставив тарелки, поставил локоть на стол.

– Отстань.

– Ну давай, – настаивал Узякин. Его распирало от прилива сил, и он, чтобы разозлить собеседника, ткнул Внучека в плечо открытой ладонью.

Удар был не сильный и не болезненный, но очень уж бесцеремонный, и Внучек ответил коротким тычком в печень. Но разве можно хорошо ударить сидя? Тычок этот только раззадорил хозяина. Он облапил Внучека, не давая ему возможности ударить еще. Чтобы вырваться, Внучек потянул его вправо, а затем рванулся в обратную сторону.

Узякин потерял равновесие и упал на четвереньки, задев стол. На столе что-то упало, покатилося, выливая остатки морса, а потом упало на пол и разбилось.

– Ох... итит твою, – наполовину протрезвел Узякин и взялся за голову...

– Да, довыпендривались, – произнес Внучек, – я, наверное, пойду...

– Давай, – бросил свое любимое слово Узякин. Он уже мысленно объяснялся с женой, которая вот-вот должна прийти с работы.

До квартиры Николаева Внучек добрался нормально: его не останавливали на улице, не просили закурить, не проверяли на вшивость и заячью кровь иными способами, после которых «проверяемого» либо оставляли в покое, либо крепко колотили. Было уже поздно. Внучек почистил зубы и лег в кровать, однако долгое время не мог заснуть. Ему вспомнился разговор с шефом, снайперы, генерал, Писаренков с гранатой, заложники. Ему захотелось записать мысль, которую высказал пьяный Узякин. «Все мы заложники чего-нибудь», – крутилось у него на языке начало фразы.

Он встал, долго искал записную книжку, а когда нашел, то не мог вспомнить фразу, которую хотел написать. Он долго смотрел на чистую страницу книжки, потом перевел взгляд на предыдущую, где было записано выражение неизвестного автора: «Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика», чтобы окончательно не забыть, что он хотел закрепить на бумаге, Внучек начал писать, удивляясь, что пишет не то, о чем говорил Узякин.

Решив завтра на свежую голову отредактировать запись, он улегся в постель и попытался уснуть.

Глубокая ночь опустилась на землю. Было ясно и морозно, яркие звезды, рассыпавшись по небу, наблюдали земную жизнь. Они видели, как исчезли прохожие с улиц Каминска. С их исчезновением стали расходиться по домам каминские хулиганы и подростки, искатели приключений. Не тузить же им друг друга: в мире человека, как и в мире животных, не едят себе подобных.

Каминск засыпал...

Пометавшись по камере, заснул подвижный и юркий Шнырь. Мысль, что дело, которое они с Бузой провернули, повысит его авторитет в том мире, что будет средой его обитания еще несколько лет, а может, и всю жизнь, согревала его.

Давно спал Хряк. Ему снился тюремный сон, в котором он командовал группой «гладиаторов», захватывающих заложников. Среди заложников был и Буза. Он стоял на коленях перед Хряком и просил прощения за удар рукояткой заточки по затылку. Сны компенсируют неисполненные человеческие желания.

Спал Буза. В своих снах он не видел ни Хряка, ни Шныря. И перед тем, как заснуть, он не вспомнил о своих подельниках, не покался, что обманул их. Буза не умел сострадать кому-либо, во-первых, потому что в детстве его этому не научили, и во-вторых, что в зоне не жалеют обманутых, обиженных, опущенных.

Буза спал спокойно, как человек, достигший цели, к которой стремился. Он проиграл борьбу за место пахана в колонии и решил «свалить» на другую зону, но «свалить» так, чтобы чертям стало тошно, и все помнили бы Бузу... Он обманул Хряка и Шныря: никто не ждал их на одном из переездов. Он дал Хряку возможность «завестись» и проморгать «сигнал». Он

сам наказал Хряка и сделал это так, что ни у Хряка, ни у Шныря ни на секунду не возникло сомнения в том, что все, сказанное Бузой, – правда... А раз уж сегодня не усомнились в этом, то не усомнятся никогда, а если и усомнятся, то никому об этом не скажут: на обманутых и обиженных воду возят, а кому хочется быть водовозом.

После ссоры с женой спал гроза блатного мира Каминска Узякин.

Уснул, наконец, и Внучек, еще не зная, какой подарок готовит ему судьба на следующий день.

Осторожно, чтобы не разбудить соседей, возвращался домой после встречи с подружками комбат, не догадываясь, что для благополучного возвращения ему как раз нужно делать все наоборот, подъехать к дому шумно и не идти на цыпочках по лестнице.

Где-то далеко от Каминска мчалась в ночи электричка. Стоя и сидя, дремали в ней люди. По-прежнему стояли в тамбуре Виктор и Валентина, по-прежнему бесновалась в соседнем вагоне пьяная компания, которая то рвалась кого-то «уделать», то выясняла отношения между собой...

И сама земля мчалась куда-то в черноте космоса.

И вместе с ней в неизвестность летели жители одной шестой части суши, которых пьяный Внучек в своей записной книжке назвал заложниками политиков...

Звонок телефона разбудил Внучека в начале десятого, и он сразу понял – что-то случилось.

Звонил Узякин.

– Федя, – сказал он, – ты меня извини: твой шеф сказал, чтобы мы тебе ничего не говорили, но я все же решил брякнуть, а ты уж сам решай, как тебе поступить. На железке какая-то банда взяла заложников в поезде. Транспортная милиция умудрилась вагон отцепить и загнать в тупик... ты меня понял?

– Да, – ответил Федя, чувствуя, как холодеют у него руки.

– Точно, – хмуро произнес Узякин, хотя Федя ничего не говорил, – там были эти, как их... пассажиры «поезда здоровья», оздоровились итит твою мать...

– Наталья?

– Точно не знаю, но шеф приказал тебя не трогать, так что вполне возможно...

– Куда прийти?

– Знаешь, выйди на улицу перед отделом и «случайно попадись» нам, мы сейчас выезжаем. Сделай так, а то твой шеф догадается, что мы тебя информировали.

Как одевался и как бежал по улице, по которой должны были ехать на подмогу транспортникам Узякин и его ребята, Федя не помнит.

Очнулся он, когда оказался в машине, рядом с незнакомым милиционером и шефом. Узякин сидел впереди, назад не оглядывался и ничего не говорил. Шеф же ворчал себе под нос что-то. Он, видимо, догадывался, что начмил все же позвонил Внучеку и тот встретился им не случайно.

В железнодорожном тупике действительно стоял вагон. Несколько милиционеров в шинелях и с короткоствольными автоматами в руках прятались за грудой бетонных плит, оставленных строителями в тупике и теперь очень пригодившихся. «Скорая помощь» стояла в отдалении, и Внучеку показалось, что из окна ее торчит голова вчерашнего медбрата, видимо, транспорта не хватало и «скорую» так же, как и милицию, привлекли из соседнего района.

Из прятавшихся за плитами милиционеров выделялся один, высокий лейтенант с огромными, как у Буденного, усами.

– Что они требуют? – спросил его Внучек.

– Ничего, – ответил милиционер.

– Как, – изумился Внучек, – но ведь это абсурд, для чего же тогда брать заложников...

– А-а, – выругался милиционер, – тут вся жизнь абсурд. Они заявили, что каждые три часа будут отдавать по заложнику, если мы их не будем атаковать. А чтобы мы не подумали, что это ничего не значит, убили одного, правда, непонятно кого, то ли своего, то ли пассажира. А так все нормально.

– Что нормально?

– Отдают по одному человеку каждые три часа, но с перерезанными жилами на ногах.

– А вы?

– А что мы? Что мы можем сделать? Пойти на штурм – себя положить да и заложников тоже, а так они хотя и калеками будут, но жить останутся...

– Ну а если их заинтересовать чем-нибудь? Поторговаться, а?

– Во-первых, нечем торговаться, а во-вторых, они ничего не хотят.

– Они что, камикадзе?

– Хрен его знает, кто они? Может быть, выродки, а может быть, и нет: хорошие люди, которых система довела до отчаяния, так сейчас все говорят.

– Много осталось пассажиров?

– Да вроде мало уже... Женщина там молодая, ехала из Каминска здоровье поправлять в Лужбу...

– А их?

– А их человек пять-шесть, но стреляет только один. Он, видать, большой спец, выбрал удобную позицию, и к нему без трупов не подойти. Он стреляет, а все остальные беснуются... им удовольствие...

– И что же вы ждете?

– Вот непонятливый. Ждем, когда они нам последнюю женщину отдадут, а потом сами сдадутся, либо друг друга перестреляют. Это будет лучший вариант... На суд надежды никакой: он их психами признает, и все...

– Ну что? – спросил подошедший Узякин. – Там?

– Сейчас проверим, – ответил Внучек и закричал: – Натка-а!

– ...дя-я, – раздалось из вагона. После чего последовал взрыв смеха, который можно было назвать сатанинским.

– Узякин, – сказал Федя начмилу, – отвлеки стрелка с того края плит, а я доберусь до противоположных дверей вагона. Если меня не обманывает зрение, они даже не закрыты. Когда я буду туда забираться, стреляй без перерыва.

– Федор Степанович, – сказал шеф, – я вам запрещаю...

Феде хотелось послать шефа, но он сдержался. Идея обмануть стрелка возникла у него потому, что стреляющий в отличие от остальных, находящихся в вагоне, то ли обколотых, то ли обкуренных, вынужден будет прятаться от выстрелов и не сможет контролировать обстановку вокруг вагона.

Федя взял автомат лейтенанта с усами, проверил магазин, дождался, пока Узякин уйдет к противоположному краю бетонных плит и даст очередь по окнам вагона, из которых вел огонь «большой спец».

– Та-та, – четко, как на стрельбище, отсек Узякин два патрона, и полуоткрытое окно вагона разлетелось вдребезги...

Федя рванул к вагону, не чуя ног под собой и моля Бога, чтобы дверь была открыта на самом деле.

Дверь была открыта. Осознав это, он проникся дикой злостью к усатому лейтенанту и его команде. То, что он проделал сейчас, они могли сделать с самого начала, и не было бы подрезанных жил и трупа под колесами вагона...

Узякин перестал стрелять, видимо, менял магазин.

«Он может это сделать, а я – нет, – подумал Федя, – значит, надо беречь патроны до полного визуального контакта со стрелком...»

Федя отдышался и махнул автоматом Узякину, тотчас по противоположному концу ударила очередь. Внучек одним прыжком вскочил на буфер вагона, открыл дверь и запрыгнул внутрь.

Впереди была другая дверь. Он ударил ее ногой и дал очередь вдоль коридора.

Узякин поливал огнем другой конец вагона так, что в воздухе постоянно висела туча осколков стекла, крошек пластика и дерева.

Следующим этапом его плана должен быть быстрый бросок к стрелку, но он не побежал, а остановился и начал стрелять в него через весь вагон.

Стрелок, который стоял к нему спиной, прогнулся, и, завалившись назад, упал на пол. Из соседнего купе выскочил какой-то парень в штормовке и тоже свалился. Федя перешагнул через его труп и двинулся по коридору, стреляя в каждое купе, пока не кончились патроны и пока на него не навалились Узякин и усатый лейтенант. Однако сбить с ног Внучека не удалось, и они некоторое время безуспешно возились в коридоре.

Мудрый Узякин догадался, наконец, и спросил, пыжась от натуги:

– Где она?

Федя сразу обмяк, как проколотая волейбольная камера, и опустился на пол.

– Там, – сказал он и кивнул головой в сторону, где лежал стрелок.

– Кто ее? – спросил Узякин.

– Ты, – ответил Федя, – он прикрылся ею, когда ты начал стрелять.

– Да-а, ситуация, – сказал шеф, – а я ведь не советовал звонить ему домой, он в отпуске...

Теперь объяснительную писать придется...

Вся абсурдность сказанного мгновенно дошла до Внучека. Он страшно возмутился, возмутился так, что у него перехватило дыхание, и... проснулся.

«Слава богу, что это только сон», – была его первая мысль после того, как он проснулся, вторая относилась не ко сну, а к данному им когда-то зарок. Он не нарушил его, несмотря на критическую ситуацию и даже во сне ни разу не выругался. «Ай, да Федя...»

Он повалился в постели, однако обычного наслаждения от безделья, которое наступает после тяжелой и грязной работы, не появлялось. Во рту было скверно и чуть тошнило. Федя решил перебороть это состояние, вскочил, заправил постель, принял душ, почистил зубы, потом собрал сумку с вещами и поставил ее у входа в квартиру. Надо было уходить в свою «берлогу». Но уходить не хотелось, и он взял с полки детектив и завалился на диван.

Чтение его прервал телефонный звонок.

«Николаев звонит, – подумал он, – будет спрашивать, когда он может прийти домой».

– Федор Степанович? – спросил знакомый голос.

– Да, начальник, да, – ответил Федя, дурачась и так, как обращаются осужденные в колонии к сотрудникам.

– Это действительно Федор Степанович? – вопрошал шеф.

– Ну конечно, кто еще может сидеть в отпуске у телефона и ждать, когда его вызовут на очередное происшествие, – продолжал ерничать он, постепенно соображая, что недалек от истины... – Что случилось?

– ЧП у нас, – сказал шеф, – вам и Узякину придется объясняться...

– Что произошло?

– Вы почему не обеспечили отправку свидетелей?

– Кого?

– Свидетелей, – ответил шеф, – ну того парня и женщину, которые ехали вместе с захватчиками.

«Ехали, – подумал Внучек, – тебе бы так проехаться, слово какое подобрал “ехали”».

– Что случилось?

– Следователь их ждет в колонии, чтобы допросить, а их нет и нет... стали разыскивать...

– И что?

– Оказалось, ночью какие-то хулиганы выбросили их из электрички...

Внучек опустил трубку, и изо рта его сами собой вырвались слова, известные на Руси со времен татаро-монгольского нашествия...

Повествование второе. Двенадцатый апостол

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Книга проповедника Екклесиаста. Гл. 1, с. 9

Главка без номера

Ровно в одиннадцать в городе, словно по чьей-то команде, отключился свет.

Кривая, ущербная луна, не успев принять эстафету у жидкого уличного освещения, некоторое время торопливо выбиралась из-за тучи, а выбравшись, осветила город, превратив темную бесформенную массу в некое осмысленное образование из кварталов, улиц, больших и маленьких домов.

Среди ячеек, составляющих город, выделялась одна – оазис спокойствия и благодати – городское кладбище, квадрат земли, отгороженный от прочего мира каменным забором.

Квадрат делила пополам неширокая аллея. По ней шел человек в длинном пиджаке с подложенными плечиками, поверх лацканов которого был выпущен воротник белой рубашки. Кепка-восьмиклинка у него на голове в соответствии то ли с городским, то ли с блатным шиком была чуть сдвинута на глаза. Туман, окрашенный луной в желтоватый цвет, скрывал его ноги, не позволяя рассмотреть, сапоги на них или ботинки, чтобы этим штрихом в одеянии окончательно определить касту, к которой он принадлежит.

Человек двигался быстро и не смотрел по сторонам, а если бы и смотрел, то вряд ли обратил внимание на то, что правая половина кладбища отличается от левой. На правой из тумана торчали кованые железные кресты и каменные надгробия. На левой кресты были уже деревянные и перемежались с надгробными тумбами со звездами.

Правая половина заполнялась до революции, левая – после. На том различия и заканчивались. И на той, и на другой стороне одинаковым вечным сном спали глупые и мудрые, богатые и бедные, виновные и невинные, бывшие бывшие и бывшие настоящие... Здесь все были одинаковы и равны, и на первый взгляд казалось, что именно кладбище уравнивает всех, кто попадает на его территорию. Но так только казалось: не кладбище дает покой, но смерть, а кладбище такое же человеческое изобретение, как и многое, что придумал человек. А раз так, то и оно подчиняется человеческим законам, законам сильного. И поэтому так уверенно идет человек в восьмиклинке по аллее города мертвых, идет к часовенке, рядом с которой находится маленький домик, больше похожий на конуру, – бывшая сторожка.

В тридцатые годы, когда революционный народ завершал разрушение «мира насилия», был взорван городской собор и службу стали править в «последнем пристанище культа» – часовенке, в которой ранее отпевали только умерших. Ближе к «пристанищу» перебрались и сами служители культа, поскольку в одно время с разрушением собора был конфискован и отдан под контору потребкооперации жилой дом православной епархии.

Приходский священник отец Никодим, не надеясь, что свет дадут быстро, затеплил свечку и какое-то время смотрел на завораживающий красно-оранжевый язычок пламени. Свечка была новая, и язычок, отвоевываая жизненное пространство у воска, то вытягивался вверх, то становился сверх всякой меры широким, то метался из стороны в сторону, потрескивая и отбрасывая на стены сторожки причудливые тени стоящего у стола батюшки и стелившей постель матушки.

Стук в дверь был неожиданным. Отец Никодим вздрогнул и выронил из рук спичечный коробок... Охнув, опустилась на разобранную постель матушка. Затем оба глянули на часы: было начало двенадцатого, и это вселяло надежду.

– Кто там? – спросил отец Никодим сильным голосом, в котором прихожане вряд ли узнали бы его баритон.

– Свои, – был ответ. – Священника нужно... к умирающему... на Набережную... Время не терпит.

Последовала пауза, в ходе которой батюшка опять посмотрел на матушку, а та только и смогла кивнуть головой, но отец Никодим понял ее без слов: она тоже не уловила того, что могло бы принести беду.

После этого батюшка приосанился и отпер дверь.

Человек, а им оказался парень лет двадцати, не пожелал войти в сторожку. Сказал, что подождет на улице и что время не терпит.

«Время все терпит», – подумал отец Никодим, но спохватился, осознал греховность таких рассуждений и осенил себя крестным знамением.

Батюшка шел за посланником по той же центральной аллее, но в обратном направлении. Шел, радуясь тому, что идет за парнем, и не впереди него, что на этот раз пронесло: это не арест, не ночной визит НКВД. Радость эта вытеснила все другие чувства, отключила жизненный опыт и заслонила интуицию, которые могли бы подсказать батюшке, что сеть в этом визите что-то неуловимо фальшивое, что таких парней, как этот в восьмиклинке, не посылают за священниками...

Однако и священникам человеческие слабости не чужды. И вот одна из них, сделав отца Никодима слепым и глухим, ведет его куда-то в ночь, от дома, от матушки, в глазах которой пять минут назад он нашел подтверждение того, что перед стуком в дверь не было слышно звука подъезжающего автомобиля – воронка. Его батюшка и матушка боялись панически, памятуя о том, что год назад воронок увез в неизвестность их предшественников.

Свернули за угол кладбища и вошли в лесопосадку, за которой должна была быть железнодорожная насыпь. И тут перед батюшкой вырос человек в сапогах и военной форме, а за ним, едва различимый в темноте, стоял автомобиль, но не тот, которого боялся отец Никодим, а другой – легковой и без верха.

Военный не без некоторого изящества сделал шаг в сторону, как делают па галантные кавалеры, пропуская вперед свою даму, и, когда отец Никодим по инерции проскочил мимо, ухватил его за шиворот и подтолкнул к машине. Ноги батюшки стали ватными, как во сне сделал он несколько шагов, ударился голенью о подножку машины и грохнулся на железный пол между сиденьями. Хлопнула дверца, человек в форме придавил его коленом к полу и ткнул стволом пистолета за ухо.

– Лежать тихо, – сказал он и обратился к кому-то другому: – Федя, вас никто не видел?

– Нет, – ответил этот другой, и батюшка узнал голос визитера.

– Услыши, Боже, молитву мою, – зашептал отец Никодим.

– Включай третью, Федя, – сказал военный, – и дуй за город...

– Внемли мне, и услышь меня; я стенаю в горести моей и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого... – продолжал батюшка.

– Ну-ну, – сказал военный укоризненно, видимо, услышав слово «врага», – мелкогато берешь: не врага, но друга, что, собственно говоря, нисколько не лучше, для тебя, во всяком случае...

Он еще что-то говорил, но его стало не слышно: завелся мотор, и автомобиль тронулся с места. Однако движение его продолжалось недолго. Он вдруг зацепил днищем за гребень колеи, и мотор заглох. Наступила тишина, в которой слышались сопение водителя и завывания стартера. Мотор не заводился...

И тут раздался звонок, обычный телефонный звонок, который, однако, был полной неожиданностью и для военного, и для водителя...

Военный выругался и спросил:

– Откуда здесь телефон?

– Не знаю, – ответил водитель и, подумав, добавил: – Мне кажется, это не телефон...

А телефон все звонил и звонил, и каждая последующая трель была менее звонкой, чем предыдущая, и вскоре всем стало ясно, что это вовсе не телефон, а пулемет. И только непонятно было, откуда и куда он стреляет: из прошлого в будущее или наоборот... «Приснится же такое...»

1

Все ирландцы – рыжие. Все происшествия случаются ночью.

Первое суждение неверно насквозь, об этом вам скажут все, кто когда-нибудь сдавал экзамен по формальной логике; несоответствие его реальности видно без луны, и вряд ли найдется идиот, который бы действительно считал так. А вот со вторым хочется согласиться: именно ночью с человеком чаще всего приключаются неприятности. Преступления – ночью, несчастные случаи, выражаясь языком протоколов, тоже в темное время суток. Темное – это само по себе наводит на размышления. Темное – синоним черного, оно всегда менее приятно, чем светлое, а значит – опасно. Но глух человек к предупреждениям природы, не стережется темноты, и та наказывает его...

А может, все не так, и природа равномерно разбросала напасти по циферблату суток, а уж сам человек, пострадавший от комендантского часа, ею установленного, сделал неправильные выводы...

А может, и пострадавший тут ни при чем, поскольку для него нет большой разницы в том, когда он, скажем, сломал себе ногу – днем или ночью, и разве слаще ему оттого, что ограбили его или избили до полусмерти не при ярком свете солнца, а при бледном – луны...

Пострадавшему все равно... А кому же не все равно? Да разумеется, тем, кто расследует преступления и несчастные случаи.

Это от них идет мнение, что все происшествия случаются ночью. Еще бы, когда тебя раз другой поднимут среди ночи – вмиг пропадет и чувство юмора, и способность логически мыслить, и ты еще сомневаешься в том, что все ирландцы – рыжие, но с тем, что все происшествия случаются ночью, – согласен безусловно.

Так рассуждал Федя Внучек, безуспешно пытаясь отыскать в темноте второй носок.

– Зажги свет, – недовольно буркнула жена, и Федя услышал, как она поворачивается к стене и натягивает на голову одеяло.

Чертыхнувшись, он потянулся к выключателю. Вспыхнувшая лампочка осветила кровать, письменный стол, полку с книгами, два стула друг на друге – теснота не позволяла им разместиться обычным образом, телевизор на стиральной машине, Федю, стоящего в позе примака, и злополучный носок, прятанный за кроватьной ножкой.

Уже через секунду свет в комнате погас, а наш герой, прихватив с собой носок и стул, на спинке которого висела его одежда, на цыпочках вышел в коридор.

Плотно прикрыв дверь в комнату, Федя отделил себя от жены и мгновенно превратился из подкаблучника, коим он был всегда о ее присутствии, в самого себя – старшего оперуполномоченного Каминского горотделения КГБ капитана Внучека.

Капитан прошел в ванную и принялся чистить зубы. Он яростно, с размахом водил щеткой по зубам и деснам, быстро отходя от сна и думая, что его друг и коллега Серега Надеин, научивший его многим способам себя будить, называл такую чистку одной из разновидностей зарядки.

Прополоскав рот холодной водой и плеснув пригоршню о лицо, он стал вытираться. На бритье времени не было, и Федя, одевшись в две минуты, взглянул на часы. Пятнадцать шестого.

«По-божески, – подумал он, – хорошо, что не в два». И стал крутить диск телефона.

– Приветствую, шеф, – сказал он как можно бодрее. – Только что звонил дежурный милиции. На первом энергоблоке лифт оборвался...

Федя знал, что ответит сейчас шеф. Впрочем, он и сам бы ответил так же, получив вдруг такое сообщение.

– Нам-то что? – ответил шеф. – Это не наши проблемы.

– ...вместе с бригадой рабочих, – закончил Федя.

– Перед самыми праздниками! – выругался шеф. – Что думаешь делать?

Шеф пятнадцать лет проработал в управлении и хорошо усвоил манеру большого начальства не давать указаний, не выслушав подчиненного. В этом был великий смысл. Получалось так, что подчиненный сам излагал обстановку, предлагал несколько вариантов выхода из сложившейся ситуации, а начальнику оставалось с глубокомысленным видом санкционировать один из них. Однако сейчас даже шеф понимал, что капитан не знает деталей происшествия, «не владеет обстановкой», и, как только Федя сказал, что поедет на станцию, тот прервал его.

– Езжай, – сказал, – а я в управление позвоню...

– Хорошо, – ответил Федя.

И было действительно хорошо, потому что шеф снял с него обузу доклада о случившемся дежурному по управлению КГБ в Н-ск. Дежурный по райотделу милиции, конечно, уже доложил о случившемся своему дежурному в Н-ске, а тот, если не поленился и не был занят другими делами, уже поделился информацией с коллегами из КГБ, благо они обретаются рядом, хотя для телефона это неважно.

Казалось бы, зачем суетиться шефу, еще раз звонить в Н-ск, чтобы сообщить своему дежурному то же самое. Но Внушек знал, что шеф уже звонит в Н-ск, надеясь на нерасторопность коллег из милиции, которые, может быть, еще не успели сообщить о происшествии соседям. Если это так, то шеф – на коне, он умудрится при всех его куцых возможностях показать себя более оперативным, чем службы милиции. Это непременно должен отметить начальник управления, которому утром докладывают обо всех происшествиях в области. Впрочем, если шеф опоздал, то начальник тоже отметит это и оценит, но оценка будет не в пользу шефа... Шеф знает, что в поле зрения начальников нужно попадаться либо с удачными результатами, либо со своевременной информацией, либо вообще не попадаться.

Федя надел куртку, подбросил вверх шапку и подставил под нее голову – к этому моменту он окончательно взбодрился и мог позволить себе созорничать таким образом, – сунул ноги в туфли, застегнул их на липучки и вышел на лестничную площадку.

Входная дверь захлопнулась слишком шумно, и он поморщился, кожей почувствовав, как в это время помянула его недобрым словом жена.

Спустившись с крыльца, Федя машинально посмотрел вверх на окна своей квартиры. Он всегда делал это, уходя или приходя, хотя увидеть что-либо в окнах второй комнаты своей квартиры не мог: она была замкнута и опечатана. За пластилиновой печатью хранилась мебель настоящего хозяина квартиры, который полтора года назад уехал на Север, сдав жилье Феде, точнее, не все жилье, а комнату с кухней.

Двадцатого числа каждого месяца, в день своей полочки, аккуратный Федя отправлял в Хатангу сто восемьдесят рублей, и это было еще по-божески, так как хозяин требовал двести, но потом уступил с условием, что Федя, которому должны были поставить телефон, оставит его в квартире.

В Каминск Внучек приехал два года назад. В маленьком горотделении «на три опера» сразу ушли все сотрудники.

Одного из них, бывшего начальника, отправили на пенсию по полной выслуге, а двое других, плюнув на выслугу, подали рапорт и занялись коммерческой деятельностью: открыли «салон по ремонту автомобилей». Салон этот часть каминцев именовала автосервисом, другая – более образно и коротко – «стервисом». Оба бывших опера в короткий срок обзавелись машинами, выстроили себе по коттеджу и знаться не хотели с бывшими коллегами, во-первых, и вспоминать свою собачью работу, во-вторых.

Впрочем, те двое ушли не одновременно с начальником, а месяц спустя, поскольку каждый из них надеялся, что займет освободившееся место. Но кадры посчитали опасным назначать одного начальником над другим, и в Каминск прибыл Карнаухов Владимир Ксенофонтович, который и возглавил Каминское отделение.

Всем был хорош Владимир Ксенофонтович, высок, строен, одет по последней моде, мог долго говорить, но... не любил работать. Впрочем, он и не мог работать, потому что не обладал контактностью. И остается только удивляться, как мог попасть в органы КГБ человек, не способный установить контакт с другим человеком. Хотя чему удивляться: органы не оркестр – это в оркестр не могут попасть люди, лишенные музыкального слуха.

За полтора десятка лет он прошел все отделы управления, начальники которых всегда старались от него избавиться, пока не задержался в бывшей пятерке¹³, где сел на «золотую жилу» – обеспечение медицинских учреждений.

Как уж Владимир Ксенофонтович обеспечивал их безопасность, одному богу известно (покров служебной тайны не позволяет нам оценить его деятельность), но то, что он исправно снабжал дефицитными лекарствами всех нужных людей, среди которых, разумеется, были и управленческие начальники, родственники начальников, друзья начальников, друзья друзей, ни для кого не было секретом. Об этом знали все, и те, кто пользовался услугами Ксенофонтыча, и те, кто не пользовался, знали в Н-ске, и в горотделениях, знали и те два опера. Они сочли факт его назначения на должность начальника «надругательством над советской контрразведкой», о чем и написали в рапортах.

На одно из освободившихся мест и попал Федя Внучек. Другое до сих пор оставалось вакантным. Управление никак не могло найти кандидата. Редкие выпускники учебных заведений КГБ по прибытии в Н-ск мгновенно расхватывались начальниками ведущих отделов, а из старых работников ехать в «село» дураков не было. И то, что где-то в Каминске какой-то Внучек два года пашет за двоих, мало кого интересовало, если интересовало вообще.

¹³ 5-е управление КГБ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.